

Господин адвокат

Фридрих Незнанский

Гейша

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Гейша / Ф. Е. Незнанский — «Автор», — (Господин адвокат)

Новое дело «господина адвоката» — дело совершенно необычное. В убийстве государственного чиновника высшего ранга обвиняется его любовница, роскошная куртизанка, современная московская гейша. На нее указывают все улики. В ее виновности не сомневается никто — кроме «господина адвоката». Он начинает собственное расследование, и внешне простое дело постепенно разматывается, как клубок лжи и интриг, подставок, подкупов и покушений. И «господина адвоката» не покидает ощущение, что даже это — еще только вершина криминального айсберга...

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

1	5
2	10
3	26
4	33
5	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Фридрих Незнанский

Гейша

1

Под потолком вяло вращались лопасти большого вентилятора. То небольшое движение воздуха, которое производилось им, в результате только мешало: вялые горячие потоки шевелили бумажки на столах и не давали сосредоточиться. Я почувствовал, как по спине стекают струйки пота. Стояла ужасная жара.

Окна в зале суда были раскрыты настежь, и с улицы доносился гул проезжающих машин.

Судья, который, пожалуй, мучился больше всех в своей дурацкой черной мантии, вытер носовым платком пот со лба и проговорил:

— Итак, подсудимый, спрашиваю вас еще раз. Что вы делали в магазине, когда ваши друзья Каменюгин и Запашный совершали ограбление кассы?

Подсудимый, и он же мой подзащитный Вадим Тепцов, покачал головой. Голова его сидела на длинной жилистой шее, которая, казалось, могла изогнуться даже под прямым углом. Мне было жаль Тепцова. Он вместе с напарниками совершил налет на магазин «Стройматериалы». Что именно побудило их, троих работяг, простых слесарей с завода «Серп и молот», пойти «на дело», мне так и не удалось выяснить. Раньше за ними ничего подобного не водилось. Ну несколько драк с последующей отсидкой в ментовке, ну пара-тройка ночей, проведенных в вытрезвителе, — никаких особенных правонарушений, одним словом. А тут полный набор — и тебе разбойное нападение, и предварительный сговор, и группа лиц, и физическое давление на продавцов. Им грозило как минимум по «пескарю», по пять лет общего режима. Просто по пьяни приятели решили обогатиться. Полученная за четыре последних месяца зарплата плюс выпитые на троих две бутылки водки вскружили им голову, потянуло на подвиги... Каменюгин и Запашный давно сознались в содеянном. И только Тепцов упорно отнекивался, несмотря на груз улик и свидетельских показаний. Он все время твердил, что зашел в магазин случайно, купить гвоздей.

— Лоджию застекляю, — говорил он, — вот гвозди и кончились. Решил после смены зайти в магазин.

Из-за этого дурацкого и тупого упрямства ему могли припасть пару лишних годков. Я ему уж по-всякому объяснял, но он устало твердил свое:

— Лоджию застекляю.

Видно, простой работяга Тепцов надеялся на какое-то чудо, которое позволит ему выбраться из Бутырок, вернуться к жене и троим ребятишкам и, конечно, уткнувшись мордой в женин фартук и размазывая по щекам грязные слезы, дать торжественную и страшную клятву никогда, ни за что, ни капелюшечки в рот не брать...

— Показания Каменюгина и Запашного ясно свидетельствуют, что налет на магазин был совершен вами по предварительному сговору. Вы согласны с их утверждениями?

Судья строго смотрел на Тепцова. Тот съежился под этим взглядом. А я попытался послать ему телепатический приказ — «сознавайся, дурашка! Скидка выйдет».

Но нет. Тепцов покачал головой и проямил свое:

— Зашел в магазин за гвоздями...

Я, конечно, подготовил большую и очень убедительную речь. Без ложной скромности замечу, что произнести такую речь не погнушался бы сам Плевако. Я работал над ней весь вечер. Она действительно получилась на славу. Но после того как мой подзащитный сам, собственными руками выкопал себе яму, произносить речь было совершенно бессмысленной тра-

той времени. Поэтому я ограничился несколькими фразами о хороших отзывах с работы Тепцова, о его больной жене и маленьких детях, о том, что он не рецидивист и не совсем потерял для общества... Судья выслушал меня вполуха и вместе с народными заседателями отправился в комнату совещаний.

Через полчаса все было кончено. Присутствующие с облегчением вздохнули, когда судья огласил приговор. Все произошло именно так, как я и предполагал. Мой подзащитный получил на два года больше, чем его поделники.

Ну вот — темное пятно в моей трудовой биографии. Согласитесь, если человек не хочет сам себе помочь, что я, простой адвокат юридической консультации № 10 Юрий Гордеев, могу сделать? Ничего. Ровным счетом.

Я вышел из здания суда. Солнце палило нещадно. Асфальт под ногами напоминал поролон — был таким же мягким. В небе ни облачка. Одуревшие от жары прохожие тщетно пытались найти хоть какую-то тень. Безуспешно... Время едва перевалило за полдень.

Мой «жигуленок» уныло приткнулся во дворе суда. Когда я подходил к своему боевому другу, казалось, он укоризненно смотрит на меня своими стеклянными глазами. «Что ж ты так? Оставил меня прямо на жаре... И не стыдно?..» Я действительно не подумал о том, чтобы поставить машину в тень. Торопился очень.

Впрочем, моя непредусмотрительность отразилась на мне же. Когда я открыл дверь и сел за руль, мне показалось, что я попал в микроволновую печь. И сейчас поджарюсь. Салон прогрелся настолько, что на приборной панели, казалось, можно жарить яичницу.

Кстати, неплохо было бы закусить. Я завел мотор, открыл все окна и повел машину к ближайшей закусочной.

Вообще-то, летом нужно отдыхать. Все порядочные люди так и делают. Вместо того чтобы торчать в пыльной, жаркой Москве, купаются, в зависимости от состояния собственных финансов, в Карибском, Средиземном или Черном море. Ну, на худой конец, конечно, сойдет и великая русская река Волга. А я... Скажу честно: у меня началась полоса неудач, и сегодняшнее состояние моего кошелька позволяло мне только пару раз окунуться в воды Химкинского водохранилища. И то если постоянно капризничавший последнее время папин «жигуль» не подведет и не встанет где-нибудь по дороге. Все дело в том, что моя машина уже месяц находилась в ремонте по причине отсутствия запчастей. Пришлось одолжить старый раздолбанный «жигуленок» у папы. В самом деле, не могу же я остаться совсем без колес.

Тем не менее я лелеял мысль выехать куда-нибудь. Дело Тепцова было последним долгом перед родной юрконсультацией. Больше вроде бы мой начальник Генрих Розанов не собирался вешать мне на шею других «бесплатных» дел, то есть дел по назначению суда. Хотя я и сам старался как можно реже попадаться ему на глаза.

«Жигуль», кажется, прочитал мои мысли. А может, оказался настолько злопамятен, что решил отомстить. Позвенел внутренностями, постучал чем-то, гроыхнул и встал. Ни туда ни сюда.

Я повертел ключ зажигания — ноль реакции, со вздохом вылез из машины и, сняв тормоз, повел изделие славных тольяттинских автостроителей к обочине. Поковырялся в моторе, заглянул под днище. Оправдались самые мои худшие ожидания. Карбюратор, и так дышащий на ладан, полетел окончательно. Его нужно было давно менять на что-нибудь другое.

Легко сказать, когда в кармане практически ни гроша. Думаете, адвокатам зарплату платят вовремя? Ничуть не бывало! За те несколько гонорарных, по соглашению, дел, в которых я принимал участие в прошедшем месяце, вознаграждение, как назло, задерживали. Лето, все в отпусках. И главное, все мои знакомые, у кого я мог перехватить денег, тоже разъехались. Даже сестра Вава и та укатила на Селигер ловить рыбу и дышать чистым воздухом Валдайской возвышенности.

Что делать? Извечный русский вопрос встал передо мной самым явным образом. Я находился вдали от дома, сотовый телефон отключили за неуплату, никаких автоматов вокруг не было. Но даже если бы и были, у меня все равно не нашлось бы денег, чтобы оплатить эвакуатор. С ближайшего перекрестка на меня уже очень нехорошо поглядывал постовой милиционер.

Я отвел машину в какой-то двор неподалеку и пристроил под деревом. А сам поехал на метро. Куда бы вы думали? Ну конечно. На работу. На поклон к начальнику.

Наша юрконсультация в разгар летних отпусков производит унылое впечатление. То есть унылое впечатление она производит и во все остальные сезоны, но летом — особенно. Почти пустые коридоры, выкрашенные экономичной серо-коричневой масляной краской, ободранные двери с табличками, давно не мытые стекла окон. Когда здесь полно посетителей, как-то веселее. А тут — ни посетителей, ни работников. И только несгибаемый Генрих Афанасьевич Розанов на месте...

Секретарши не было. Видно, шеф отпустил ее по причине практически полного отсутствия дел.

Я постучал в дверь.

— Войдите, — донеслось из кабинета.

— Можно? — спросил я, приоткрыв дверь.

Разумеется, в отличие от всех остальных Генрих Афанасьевич был весь в делах. Удивительно — он всегда умудрялся найти себе занятие, даже в самый что ни на есть мертвый сезон. Вот и сейчас он был весь обложен бумагами и читал сразу несколько документов, делая заметки в большом блокноте.

Я вошел в кабинет. Здесь работал кондиционер! Внезапно я почувствовал, что больше всего на свете хочу остаться тут, в этой райской прохладе.

Он поднял голову и знаком предложил мне сесть. Я выбрал стул и сел. Пусть вас не удивляет, что я не бухнулся на первый попавшийся. Для того чтобы это объяснить, нужно знать психологию нашего шефа. Последнее время он увлекся разными умными книжками по психологии. И теперь считал, что по одним только жестам и мимике может сказать о человеке буквально все. Ну, скажем, если посетитель кладет ладони на колени, значит, он о чем-то умалчивает, если складывает руки на груди, значит, пытается защититься... Я бы добавил: если у него уверенное выражение лица, дорогой перстень на пальце, а приехал он на «мерседесе», значит, у него много денег и упускать такого никак нельзя... Короче говоря, теперь Генрих Афанасьевич все время следил не только за посетителями, но и за сотрудниками вверенного ему учреждения. Все это давно заметили, прочитали книжку «Азбука телодвижений» и всюду пытались произвести своими жестами самое благоприятное впечатление на Розанова. А тот, бедный, никак нарадоваться не мог, какие у него служат трудолюбивые, энергичные и исполнительные коллеги-адвокаты.

Итак, я выбрал стул, чтобы Генриху Афанасьевичу было удобно наблюдать за моими телодвижениями, сел на край сиденья, принял независимую позу, одной рукой теребя ручку, а другой сжимая папку. По моему замыслу, эта поза должна была обозначать спокойную уверенность вкупе с тревогой по поводу незначительных проблем и энергичной готовностью к действию.

Судя по всему, беглый взгляд, который Генрих Афанасьевич бросил на меня, вполне его удовлетворил.

— Ну что, Гордеев? Как успехи?

Я пожал плечами:

— Похвастаться не могу. Сегодняшний процесс закончился... ну не совсем так, как бы мне хотелось.

— А что такое?

— Моему подзащитному, это Тепцов, который магазин ограбил...

Розанов кивнул, хотя я могу поставить ящик пива, что никакого Тепцова он не помнит.

— Ну вот, ему дали на два года больше, чем его подельникам — другим подсудимым. Но он сам виноват. Колоться надо, а он уперся рогом — и ни в какую.

— Да, бывает, — промямлил Генрих Афанасьевич. — Но ты, я вижу, бодрость духа не теряешь?

— Да нет... Вот только проблемка одна у меня, Генрих Афанасьевич...

— Какая? — насторожился Розанов.

— Машина сломалась. Карбюратор полетел.

— Ц-ц-ц, — поцокал языком Розанов.

— А зарплату все задерживают, — заключил я.

— Да, задерживают. И что же ты от меня хочешь?

— Нельзя ли мне, Генрих Афанасьевич, некую сумму получить? На ремонт машины?

Розанов покачал головой:

— Ты же знаешь, Юра, касса пуста. Отпуска, расходы всякие, туда-сюда... Откуда я тебе денег возьму?

Я пожал плечами:

— Ну тогда я, пожалуй, тоже в отпуск уйду. Отпускные-то вы мне обязаны заплатить.

Я знал, что Розанов не пойдет на такой вариант. В консультации и так оставалось всего два или три работающих адвоката. Не может же он вообще закрыть контору на летние месяцы.

— Ну нет, Гордеев, в отпуск я тебя не отпущу.

— Почему? — недоуменно поинтересовался я. — По трудовому законодательству имею полное право.

— Ты, того... — Генрих Афанасьевич поискал аргумент, но не нашел ничего лучше, как сказать: — Молодой еще. И работаешь у нас всего пару лет.

— Интересно, — вежливо улыбнулся я, — значит, у нас в консультации существует что-то типа дедовщины? Старослужащие имеют право отдыхать в летние месяцы, а новички — только в зимнюю стужу? Вот в президиуме городской коллегии адвокатов удивятся...

Розанов запыхтел как паровоз. Было видно, что он потихоньку созревает. В моем воображении все более явственно появлялась картина: я на берегу Химкинского водохранилища... Красота!

— Ну ладно, — произнес наконец Розанов, — выпишем мы тебе немного денег.

Победная улыбка появилась было на моем лице, когда Генрих Афанасьевич все испортил. Он сказал:

— Но только одно условие. Ты возьмешь одно дело...

Ну вот... Удружил.

— Но, Генрих Афанасьевич! — взмолился я.

— Никаких «но»! У меня людей нет. Простенькое дело. По назначению, в порядке статьи 49 Уголовно-процессуального кодекса. Разберись с ним и езжай куда хочешь. Вот видишь — письмо прокуратуры, просят прислать адвоката по делу об умышленном убийстве.

Он протянул мне пару листов бумаги в прозрачной папке и принял позу, которая недвусмысленно означала: «аудиенция закончена».

— Но тогда, — выпалил я, — чтобы и на накладные расходы хватило. Как вы понимаете, без машины я тоже не могу.

Розанов вздохнул:

— Ну ладно, Гордеев. Выпишем тебе денег. Только смотри. Дело хоть и простое, но очень важное. Все-таки статья 105 пункт 3 Уголовного кодекса...

— Умышленное убийство из корыстных побуждений? — напряг я память.

— Вот-вот, — одобрительно кивнул Генрих Розанов.

Так я и знал!

— А что за дело? — Я поднял правую бровь, что означало крайнюю заинтересованность.

— Сходи к следователю, посмотри материалы дела. Ты же должен присутствовать при предъявлении обвинения.

Какая потрясающая заботливость. Голос Розанова приобрел явно отеческие интонации. Неспроста это... Гордеев, кажется, тебя поймали на тобой же приготовленную наживку.

— А что за дело-то?

— Да так, пустяки, — Розанов как-то странно улыбнулся. — Ты телевизор-то смотришь?

— Смотрю...

— Небось «Угадай мелодию»?

— Бывает, а что?

— Слышал, что с Суреном Осепьяном случилось?

Знакомое имя... Кажется, в школе, на уроках истории...

— Да-да! Вспомнил. Был такой бакинский комиссар. Ну из тех, которых было двадцать шесть. Его расстреляли.

Розанов как-то странно поглядел на меня.

— Расстреляли — не то слово. Просто застрелили. И никакой он не бакинский комиссар.

— А кто?

— Заместитель председателя Спецстроя, вот кто.

Ну я же говорил. И зачем мне это на голову?

— В убийстве подозревается его любовница. Вот ее-то ты и будешь защищать. Дело почти доказанное. Везет Мосгорпрокуратуре. Тебе там делать почти нечего. Дави на смягчающие обстоятельства. Понятно?

Как не понять?

— Кем доказанное? — иронически поинтересовался я.

Розанов молча поднял глаза к давно не штукатуренному потолку, что должно было указывать на какие-то высшие силы, решившие для себя исход этого дела. Честно говоря, это мне совсем не понравилось.

— Но позвольте, вы же сказали, что дело простенькое.

— А оно и есть простое. Защищать ее — нечего делать. Обвинение доказано. Просто формально поприсутствуешь, и все дела.

Он выразительно подмигнул.

Что мне оставалось делать? Конечно, я бы мог пойти на принцип и отказаться. Но тогда плакал мой гипотетический отдых. И «жигуленку» пришлось бы стоять в чужом дворе до осенних дождей.

Розанов между тем написал записку нашему бухгалтеру и выразительно поднял ручку, чтобы ее подписать, одновременно глядя на меня. К сожалению, суммы, которую он указал, мне видно не было.

— Ну ладно, Генрих Афанасьевич, — наконец вздохнул я, — согласен.

— Вот и славненько, — проговорил Розанов, подписывая записку и вызывая бухгалтера, — в добрый путь. Если что — заходи, не стесняйся.

Надо сказать, Розанов не пожадничал. В кассе мне выдали изрядную сумму. Моих же, надо сказать, денег. Не к добру все это, помяните мое слово...

2

Километрах в десяти от древнего русского города Тверь, над кольцевой развилкой, возвышался автомобильный мост. На обочине моста, неприметно для проезжающих внизу водителей, стояла патрульная машина ГАИ. Перегнувшись через полосатые черно-белые перила, младший сержант дорожной милиции наставлял на ни о чем не подозревающих автомобилистов датчик, указывающий превышение скорости, и передавал по рации сидящим в засаде коллегам, машину с каким номером следует остановить. Капитан Бирюков устраивал такие засады постоянно. Добычу делили честно — согласно субординации. Любимым местом для засады служил разросшийся березнячок в полутора километрах от кольцевой. Там-то и поджидала зазевавшегося водителя неприятная встреча с представителями дорожной власти.

Смена капитана Бирюкова заканчивалась в семь вечера. Сдав дежурство, он не остался в отделении посидеть с товарищами, как принято после получки, а сразу отправился домой. На даче поспевала первая клубника, и он с женой собирался поехать с ночевкой на свой участок, чтобы с утра собрать самую лучшую ягоду и отвезти на рынок. Вечером, думал Бирюков, с соседями можно будет и за жизнь покалякать, и пропустить рюмку-другую, а на службе — нечего расслабляться.

Супруга капитана Бирюкова готовила на кухне кислые щи из прошлогодней квашеной капусты и смотрела по телевизору «Улицы разбитых фонарей». Бирюков брезгливо поморщился, еще на лестнице учуяв кислый капустный запах. Ну почему так выходит, что и зимой, и летом приходится есть одни соленья? Что, трудно жене сварить те же щи из свежей капусты? Вкалываешь, вкалываешь как конь, вертишься как балерина на сцене, обрабатываешь на даче шесть соток, да еще десять соток, взятые под картошку, а хоть бы раз летом со своей грядки свежий огурец позволили съесть! Нет, все лучшее на рынок, а что остается для себя, то супруга пускает на засолку.

Услышав шум в прихожей, жена выглянула из кухни.

— А, притянулся, — неласковым голосом приветствовала она мужа.

Подошла в грязном фартуке, с ножом и картофелиной в руке, привычным жестом обнюхала физиономию Бирюкова — не пахнет ли от него спиртным.

— На вот, спрячь в семейный банк, — протягивая жене мятые российские купюры и пару однодолларовых бумажек, сказал с наигранной веселостью Бирюков. — Заработал сегодня.

Супруга без улыбки забрала деньги, деловито пересчитала и унесла в спальню.

— Есть что поесть?

— За водой сперва сходи, — ответила из спальни жена, скрипя дверцами зеркального шифоньера. — Опять, сволочи, воду отключили, даже посуду помыть нечем.

Схватив на кухне горбушку черного хлеба и десятилитровый металлический бак, Бирюков пустился в обратный путь. Метрах в пятистах от их дома, посреди пустыря, стояла общественная колонка, куда жители близлежащих пятиэтажек стекались со своими ведрами, канистрами и бидонами. Тропинка проходила через гаражный кооператив. Проходя мимо металлической двери своего гаража, Бирюков всегда ежился от одного и того же неприятного воспоминания: этой зимой жена застучала его в гараже с разведенной соседкой... Что последовало после этого, лучше было не вспоминать.

Принеся воды, он получил от жены керамическую тарелку густых обжигающих щей, в которых плавали сверху желтые кольца лука, жаренного на прогорклom сливочном масле. Жена работала диетсестрой в больнице, поэтому морозильник всегда был забит двух-трехкилограммовыми поленьями сливочного масла. Несмотря на то что все в доме готовилось на сливочном масле, оно не успевало расходоваться и покрывалось зеленоватой плесенью прямо в холо-

дильнике, но и тогда не выбрасывалось, а шло на приготовление поджарок. От этого вся еда неприятно пахла.

— Опять накурился, — поведя носом, скривилась супруга. — Помирать будешь от рака, не жди, что я за тобой горшки стану выносить.

Бирюков ничего не ответил.

— Переключи, чего всякую ерунду смотришь! — помолчав, снова начала жена. — И так голова трещит.

— Оставь новости, — попросил он, но жена выхватила пульт и нажала на другую кнопку.

По другому каналу шла развлекательная программа, яркая и шумная. Там пели, плясали и гремели на барабанах до зеленых чертиков в глазах.

Бирюков молча взял пульт, переключил снова на новости. Жена чуть не поперхнулась от ярости.

— Что ты делаешь? Дай спокойно телевизор посмотреть! Первый раз за день присела! Быстро переключи.

Вместо ответа он только усилил звук.

— У, сволочь! — Жена замахнулась и треснула Бирюкова по лбу горячим половником, которым помешивала в кастрюле щи. — Кобелина вонючий! Делай, что я говорю, или выметайся к своей крашеной суке.

Завязалась короткая потасовка, в результате которой супруга все-таки овладела пультом и переключила телевизор на другой канал. Тогда Бирюков поднялся, подошел к телевизору, переключил кнопки на самом корпусе и, спиной загородив экран, отнял таким образом у жены возможность переключать каналы на расстоянии.

В пылу семейного скандала ни он, ни она не расслышали начало криминального репортажа. Знакомые слова, произнесенные комментаторшей вечернего выпуска новостей, ничем не выделялись из общей массы подобных репортажей: «Найден убитым в своем доме...», «Местные милицейские чины были подняты по тревоге...», «Генпрокуратура взяла дело под свой контроль...», «Задержан возможный подозреваемый по этому громкому уголовному делу, обещающему встать в один ряд с делами об убийстве Галины Старовойтовой и генерала Рохлина...»

— Заткнись, дура! — вдруг страшным голосом проревел Бирюков, всем корпусом придвигаясь к экрану телевизора и увеличивая громкость.

— Сам заткнись! — бойко выкрикнула в ответ супруга и осеклась, увидев вдруг на экране телевизора свою дочь Лену, которую омоновцы в бронежилетах, с автоматами, усаживали в белый милицкий «форд» с красно-синими мигалками.

— На этом наш выпуск новостей заканчивается, о развитии событий вы узнаете из нашего следующего выпуска, а вас ждут еще новости спорта и погоды, — мило улыбнувшись на прощание, протараторила симпатичная комментаторша, и на фоне веселой музыки на экране возникла навязчивая в зубах реклама прокладок с крылышками, которые то и дело поливали какой-то голубой жидкостью.

Супруги Бирюковы так и стояли, замерев и уставившись в экран, где неутомимая учителька Эмма в белых штанах в обликпу лезла перед всем классом на дерево. «Хоть бы ты этим самым местом на сук напоролась, дура», — говорила обычно в этот момент супруга Бирюкова. Но на этот раз она промолчала.

— Ой, Господи! — первой опомнилась Бирюкова.

Она вытерла фартуком бисеринки пота, выступившие на носу, и медленно опустилась на табуретку.

— Ты видел? А?

Капитан сделал руками несколько неопределенных движений в воздухе.

— Да не молчи как пень, когда тебя спрашивают!

— За тобой разве что услышишь, — огрызнулся муж. — Трещишь как сорока.

Жена не отреагировала на оскорбление. Дрожащей рукой она протянула пульт:

— На, Саша, переключи на другую программу, может, еще где новости идут? Ох, Господи, ты понял хоть, что там случилось? Убили кого-то? А Ленка наша тут при чем? А может, это и не она была, а так, похожа...

— Ага, и фамилия — простое совпадение, — нажимая по очереди на все кнопки, подколол жену Бирюков. — Сказали же, подозреваемая Елена Бирюкова.

— Ой, Господи! — тихо завывала супруга. — И что теперь с ней будет-то, Саша? Куда она влезла-то, а? Ой, чувствовало мое сердце, я сегодня всю ночь не могла уснуть, все про Ленку думала...

— Да хватит выть! Спать она не могла... Как трактор храпит каждую ночь.

— Скотина ты бесчувственная! — воя, сообщила мужу Бирюкова.

Скорее всего, этот разговор вскоре снова перерос бы в перепалку, если бы его не прервал выпуск новостей на другом канале. Супруги прильнули к экрану и затаили дыхание.

Диктор сразу перешел к криминальным новостям. Скороговоркой он сообщил, что в своем доме, стоящем на такой-то улице (название улицы промелькнуло мимо сознания Бирюковых), вчера ночью был застрелен такой-то важный государственный чиновник (должность покойного заместителя председателя Спецстроя Сурена Осепьяна тоже не врезалась супругам в память). Они ожидали услышать главное и услышали: подозреваемая в убийстве Елена Бирюкова, знакомая бывшего заместителя председателя Спецстроя, была временно задержана сотрудниками милиции, хотя никаких обвинений ей пока не было предъявлено.

— Как нам стало известно из показаний немногочисленных свидетелей, — ровным, равнодушным голосом продолжал говорить диктор, — в ту ночь в доме Осепьяна не было слышно никакого выстрела. Хотя результаты экспертизы станут известны лишь через несколько дней, по некоторым данным, орудием убийства послужил личный пистолет Осепьяна, который хранился в его комнате в ящике письменного стола. Остается лишь выяснить, каким образом произошел роковой выстрел.

— Ох, Господи, да что Ленка делала в том доме? — прошептала вслух Бирюкова, но муж цыкнул на нее, и она умолкла.

Передавали интервью с каким-то милицейским чином в штатском, который коротко и неприветливо отвечал на вопросы журналиста фразами типа: «Выясним», «Когда станет известно...», «Не мешайте работе следствия...»

Весь вечер Бирюковы провели перед телевизором. Не поехали на дачу, не отвечали на телефонные звонки. В перерывах между выпусками новостей шепотом обсуждали случившееся, то переругиваясь, то успокаиваясь. К ночи криминальные репортажи изобиловали все новыми подробностями, но о самом главном — о роли их Лены во всей этой истории — говорилось слишком невнятно и туманно, словно журналисты сами не знали толком, кто такая Лена и что делала она в доме убитого. В одном репортаже ее называли знакомой, в другом — дальней родственницей Осепьяна, временно жившей в его доме, но в то же время другие родственники покойного при приближении камеры отмахивались от журналистов, закрывали объектив руками.

— Скажите, пожалуйста, кем приходилась подозреваемая убитому? — спрашивал журналист в одном репортаже, поспевая за какой-то толстой женщиной, одетой в черное, шедшей через двор к машине.

— Не знаю. Я вообще ее не знаю, — испуганно отвечала женщина, спеша укрыться за тонированными стеклами автомобиля.

— Но говорят, она жила здесь? — не отставал от нее журналист.

— Нет, она здесь никогда не жила.

Охранник оттеснил журналиста от машины. Женщина уселась на заднее сиденье, и черная блестящая иномарка тронулась с места.

...Глубокой ночью, когда все программы закончились, супруги Бирюковы выключили телевизор.

— Что делать-то... Что делать, Саша? — тихонько подвывала Бирюкова.

Капитан Бирюков нахмурил брови, одернул на себе драную и застиранную олимпийку, в которую облачался, придя домой, встал и решительно произнес:

— Надо ехать.

Скорый поезд Санкт-Петербург — Москва останавливался в Твери в половине второго ночи и стоял ровно три минуты. Бирюков решил не брать билет. Он подошел к проводнице, дал ей деньги, и девушкапустила его в пустое холодное купе.

Выбравшись из дома, он ощущал полузабытое тревожно-приятное чувство свободы. Хотелось вытворить что-нибудь эдакое. Например, познакомиться с молоденькой проводницей. А там, может, и...

— Когда прибываем в столицу?

— В половине пятого.

— Эх, жаль, метро еще закрыто будет, — залихватски подмигнул Бирюков девушке, но та не была настроена на шутки с ночным пассажиром.

Да, подумал Бирюков, будь на ее месте бабенка лет за тридцать, она бы оценила его авансы, а эта девчонка совсем соплячка, еще не понимает ничего... Летом в поездах всегда одни пигалицы работают, студентки... Их сразу видно.

— А чайку мне, красавица, не принесешь?

— Вода уже остыла.

Бирюков, не очень-то опечаленный, задвинул дверь своего купе, закинул на багажную полку несвежий пыльный тюфяк, уселся на дерматиновую обивку нижней полки и достал из сумки бутылку пива «Афанасий», купленную загодя в привокзальном киоске.

Как только поезд тронулся с места, капитан открыл бутылку и сделал первый глоток. Тепловатая жидкость неприятно обволокла полость рта. Однако капитан был наверху блаженства. Жена осталась где-то там, далеко, со своим бесконечным прогорклым маслом и прошлогодней капустой. А он ехал навстречу неизвестности, да еще абсолютно беспрепятственно пил пиво. Это было здорово.

Поезд набирал ход. Скоро он несея во всю мощь, и за окном плыл торжественный ночной пейзаж, освещенный круглой луной.

Бирюков, хоть и отправлялся в Москву по важному и, если подумать, довольно неприятному делу (дочь арестована по обвинению в убийстве! Не шутка!), тем не менее чувствовал в себе прилив сил и бодрости — как всегда, когда ему удавалось вырваться из дома. Дорога, поезд, новые люди — все это воскрешало забытые ощущения далекой юности, ощущение свободы и романтики. Студенческие поездки летом в стройотряды на целину, потом — семейные поездки с женой в отпуск на Кавказ, в Гагру... Они недавно были женаты и еще любили друг друга. А потом — поездки с дочкой Леной на юг, по путевке. Лена в детстве постоянно болела бронхитами, и летом ее старались отправить к теплему морю, в Крым или в Краснодарский край...

Бирюков вспомнил одну шикарную блондинку, с которой завертел роман во время одной такой поездки с дочкой в Анапу. Лене было тогда лет пять или шесть, в школу еще не ходила. Он покупал ей мороженое, оставлял на игровой площадке санатория смотреть представление детского кукольного театра, а сам с дамой поднимался в ее номер, расположенный в соседнем корпусе. Ух, какая страстная была дамочка! Между прочим, официантка из вагона-ресторана. Рассказывала, что по тысяче рублей выручала в сезон, доставляя своим поездом Керчь

— Ленинград перекупщикам ящики с первыми персиками, вишней и черешней. Вся золотом была увешана с головы до пят. Горячая дамочка, что и говорить.

Допив пиво и посмотрев на часы, Бирюков затосковал. Сначала он просто поднялся, чтобы размяться, но ноги сами понесли его к выходу. Он закинул под нижнюю полку свою спортивную сумку с вещами и банками со всякой снедью, спешно собранной супругой ему в дорогу, взял с собой кошелек и побрел к тамбуру. Там покурил, глядя в окно и скучая, бросил окурочек и перешел в соседний вагон. Он думал, что где-нибудь в этом поезде должен быть, по идее, вагон-ресторан. Может, там окажется что-то повеселее?

Ресторан действительно нашелся. В эту ночную пору работал только бар, освещенный тусклым светом лампы под гофрированным красным абажуром. Перед стойкой бара сидела компания. Когда Бирюков вошел, все невольно замолчали и посмотрели в его сторону. Он смутился, но виду не показал.

— Добрый вечер! Или уже доброе утро? Что тут у нас есть хорошенького? Пиво есть?

— Нет пива, — покачала головой барменша, девица лет двадцати пяти с бледным от слоя пудры лицом и черными стрелками вокруг глаз.

— А что есть?

— Все, что на витрине: напитки, сигареты, чипсы...

Компания искоса наблюдала за Бирюковым. Капитан, весело постукивая пальцами по стойке бара, сделал вид, будто внимательно изучает содержимое витрины. На самом деле его сильнее заинтересовала девушка с прямыми светлыми волосами, рассыпанными по обнаженным плечам, сидящая рядом с ним, закинув ногу на ногу.

— Дайте тогда пачку сигарет и одну банку джин-тоники.

Барменша лениво потянулась к ящику под стойкой.

— Сколько с меня?

— Пятьдесят.

Бирюков с неприятным чувством потянулся за кошельком. Те же сигареты и джин с тоником он мог бы купить в привокзальном киоске за половину этой суммы, но не отступать же!

Он лихо бросил барменше новую купюру, взял сигареты, банку с коктейлем и двинул обратно. В принципе ему хотелось бы остаться, поболтать с девицами, но их кавалеры, кажется, не проявляли никакого дружелюбия к ночному визитеру. Они так и сверлили Бирюкова глазами, пока тот стоял рядом.

Но стоило ему выйти из ресторана и затормозить в тамбуре, распечатывая новую пачку фирменных сигарет (дома-то он из экономии курил сигареты без фильтра), как следом за ним из ресторана вышла та самая девушка со светлыми волосами, извинилась и попросила сигарету. Бирюков, обычно даже на работе из принципа никому не одалживавший сигарет, с радостью протянул ей пачку.

— Мама курить разрешает? — чтобы завязать разговор, с деланной строгостью спросил он.

Девушка грустно посмотрела на него:

— У меня нет мамы.

— А где же она?

— Умерла.

— С отцом живешь? — сочувственно поинтересовался Бирюков.

— С бабушкой. А вы в Москву едете? Всей семьей по магазинам?

— Нет, я по делам. Командировка. Я в одной фирме работаю, вместе с другом, открыли на паях свое дело, купи-продай, вот приходится мотаться...

Бирюков долго и подробно рассказывал девушке о несуществующей фирме и несуществующем друге, а она внимательно его слушала, глядя ему в рот. Зачем ему было привирать?

Он и сам не смог бы объяснить, но так делал всегда, представляясь дамам то следователем КГБ, то летчиком-испытателем...

— А ты куда едешь?

— Я поступать хочу. В институт... Еду узнать, когда прием, какие экзамены.

— Только школу закончила?

— Нет, я в том году закончила, я работала один год в столовой поваром. Кулинарные курсы закончила.

Девушка нравилась Бирюкову все больше — такая чистенькая, милая, откровенная. Они еще немного покурили, стоя в тамбуре.

— Извините, у вас с собой не найдется бутерброда? — глядя на него полными невинности глазами, спросила вдруг девушка. — Я такая голодная, а ехать еще долго.

— Конечно! Идем со мной!

Бирюков даже обрадовался. Сам бы он ни за что не осмелился предложить ей пойти с ним в его купе.

— А что же кавалеры? — на всякий случай поинтересовался он. — Не будут обижаться, что ты их оставила?

— Да ну! Какие они кавалеры! — пренебрежительно отмахнулась девушка. — Я их даже не знаю. Так, пообщались.

Они шли по спящему вагону. Поезд трясло, раскачивало, и девушка время от времени прижималась к Бирюкову. Он поддерживал ее за локоть.

Войдя в купе, Бирюков снял с багажной полки полиэтиленовый мешок с героями «Санта-Барбары» — любимый пакет жены, который она жалела брать в магазин или на рынок, а ходила с ним «в люди» — например, за пенсией. Теперь она пожертвовала его мужу. В мешке лежали бутерброды с вареной колбасой, вареные яйца, печенье и компот из малины в пластиковой бутылке от кока-колы. Все это Бирюков разложил на столике перед девушкой.

— Тебя как зовут?

— Катя. А вас?

— Александр.

— А отчество?

— Можно без отчества.

В купе заглянула проводница. Хмуро смерила взглядом Бирюкова и его спутницу.

— Чай будете?

— Два стакана, — заказал Бирюков.

— Ой, мне не надо, — с набитым ртом поспешила вмешаться девушка. — У меня денег совсем нет.

— Да ладно, мелочь какая, я заплачу, — расщедрился Бирюков.

— Так сколько нести? — нетерпеливо перебила проводница. — Два? Один?

— Два, — утвердительно кивнул Бирюков. — Раз чай стали разносить, значит, скоро и Москва. Ты там у родственников остановишься или у знакомых?

— У знакомых.

— А в какой институт поступать хочешь?

— В юридический.

— Молодец. У меня дочка юридический закончила, — начал было Бирюков, но вовремя остановился.

Нет, о дочке с ней лучше не говорить.

— Будешь ножку Буша есть? Вареная.

Девушка кивнула, следя голодными глазами, как Бирюков ловко разломал пополам окорочок.

— Знаешь анекдот про двух цыплят, импортного и советского? — протягивая девушке кусок окорочка на ломтике белого хлеба, спросил Бирюков. — Лежат на витрине два цыпленка, импортный толстый, жирный, а наш синий, жилистый. Импортный смотрит на нашего и говорит: «Что ж тебя, брат, совсем не кормили?» А наш выпятился гордо: «Зато я умер своей смертью!»

Девушка снисходительно усмехнулась.

Проводница принесла чай. Пока Бирюков помешивал в своем стакане сахар, его соседка с жадностью выпила свой.

— Хочешь еще?

— Только если вы тоже будете, — виновато улыбнувшись, сказала она.

— Буду.

— Давайте, я схожу, — предложила Катя.

Взяв пустые стаканы со стола, она вышла в коридор вагона. Вернулась через несколько минут, дребезжа подстаканниками и боясь расплескать горячий чай. Один стакан подала Бирюкову, другой поставила на столик напротив своего места, но сразу пить не стала, а грызла печенье и смотрела в окно.

Уже давно рассвело. Небо на горизонте подернулось пурпурной дымкой. Скоро обещало взойти солнце. По лугам низко стелился плотный, как дым, седой туман.

— Денек сегодня будет жаркий, — стараясь привлечь внимание своей спутницы, сказал Бирюков, кивая за окно. — Вон небо какое.

Девушка равнодушно кивнула, не поворачивая головы.

— Да... Знаешь анекдот, как еврей едет в поезде? — снова нарушил молчание Бирюков.

Девушка отрицательно покачала головой.

— Едет еврей в поезде. В одном купе с ним едет молодой парень. Ложатся они спать. Еврей снимает свои красивые золотые часы и прячет под подушку. Парень видит, что у того есть часы, и спрашивает: «Скажите, пожалуйста, который час?» Но еврей ничего ему не говорит, отворачивается и засыпает. Утром приезжают они в Одессу. Еврей надевает свои часы и говорит: «Сейчас десять утра». Парень удивился: «Я же вчера у вас спрашивал, почему вы вчера не сказали?» — «А! Если бы я вчера сказал, сколько время, вы бы спросили, куда я еду. Я бы сказал, что в Одессу. Вы бы сказали, что тоже в Одессу и что вам там негде переночевать. Я, как добрый человек, вынужден был бы пригласить вас к себе домой, а у меня молодая красивая дочь, вы бы ее обязательно соблазнили, и мне пришлось бы согласиться выдать ее за вас замуж...» — «Ну и что?» — «Как что? А зачем мне зять без часов?»

Рассказав анекдот, Бирюков весело рассмеялся. Девушка тоже усмехнулась.

— Ну теперь ты расскажи что-нибудь, а то все я да я.

— Я никаких хороших анекдотов не помню, — ответила она, пожимая плечами.

Размешав хорошенько сахар в своем стакане, Бирюков сделал несколько больших глотков.

После джина с тоником во рту ощущался горьковатый привкус. Даже сладкий чай не мог его перебить. Подумав, какую импортную гадость приходится пить русскому человеку, Бирюков морщась, без охоты допил чай, лишь бы не выбрасывать зря деньги.

— А, вспомнила анекдот, — тряхнув светлой челкой, сказала Катя. — Возвращается дочка под утро с дискотеки. Отец с ремнем караулит ее в прихожей. «Где ты шаталась всю ночь?» — «Папа! Меня изнасиловали!» — «Это дело на две минуты! Где ты шаталась всю ночь?»

Бирюков попытался рассмеяться, но губы его странно онемели и не растягивались в улыбку.

— Несмешной анекдот, — согласилась Катя. — Я не умею смешно рассказывать.

Бирюков хотел ответить, что она рассказывает хорошо, но вместо этого напряженно сглотнул несколько раз. В горле появилась странная сухость, так что язык приклеивался к нёбу. Бирюков потянулся к бутылке с компотом, чтобы промочить горло, но рука задрожала, и бутылка из-под кока-колы упала со стола и покатилась по полу купе. Бирюков наклонился, чтобы поднять ее. В голове у него зашумело, перед глазами замелькали черные круги, а под сердце подкатила горячая волна. Руки и ноги окаменели, налились свинцовой тяжестью.

— Что за черт?

Он попытался встать, но ноги не слушались. Его большое, грузное тело беспомощно съехало по мягкой дерматиновой спинке над полкой и повалилось на бок.

— Катя, мне плохо, позови кого-нибудь, — хотел произнести Бирюков, но язык не шевелился.

Вместо членораздельной речи он издал невнятное мычание. Катя, повернувшись, внимательно смотрела на него, не шевелясь. Самое странное, что голова Бирюкова продолжала мыслить четко и ясно, но тело перестало его слушаться, как у пьяного.

Вместо того чтобы всполошиться и позвать на помощь проводницу, Катя встала, подошла к двери купе и заперла ее на задвижку. Когда она обернулась, Бирюков невольно испугался — так переменялось ее лицо. Вместо милой девушки на него смотрела хищная тварь. Толкнув его, Катя повалила Бирюкова на полку и принялась деловито обшаривать его карманы. Сняла часы, обручальное кольцо, вытащила кошелек и бумажник с паспортом и водительскими правами.

«Вот же стерва малолетняя! — думал про себя Бирюков, порываясь вскочить или хотя бы отпихнуть воровку. — Это она мне подмешала чего-то в чай».

Ручка купе дернулась. Затем в дверь сильно постучали:

— Стаканы сдавайте. Через десять минут прибываем.

Катя замерла на месте.

— Сейчас, минутку! Я вам сама занесу! — крикнула она через дверь.

Проводница, недовольно бормоча, удалилась.

Катя пошарила по всему купе, но больше ничего ценного не нашла. Сумка, где лежали все деньги, выданные Бирюкову супругой на поездку в столицу, была засунута в багажное отделение. Катя попыталась приподнять полку вместе с Бирюковым, но у нее ничего не вышло. В это время в дверь купе снова настойчиво забарабанила проводница.

— Москва! Сдавайте стаканы.

— Сейчас-сейчас!

Пнув Бирюкова на прощание коленом в пах, Катя шепотом обложила его трехэтажным матерным ругательством, отперла дверь и выскочила из купе, чуть не сбив с ног удивленную проводницу.

Испуганно косясь на распростертого на полке Бирюкова, проводница быстро вошла в купе, сгребла со стола стаканы и вышла, бормоча себе под нос, что, мол, устраивают тут публичный дом, ни стыда ни совести... Через некоторое время поезд замедлил ход, дернулся несколько раз всем составом, закрипел, заскрежетал и остановился. Бирюков слышал, как мимо него по коридору, оживленно болтая, пробираются в тамбур остальные пассажиры. Он несколько раз пытался закричать, но не мог, попытался подняться, но вместо этого скатился с полки на пол.

...Команда бомжей под предводительством Васи — высокого и очень смуглого кучерявого мужика в драном пальто — обыскивала загнанный на запасные пути состав, подбирая по мусорным бакам пустые бутылки, банки и выброшенную пассажирами снедь в целлофановых кулках и пакетах. Кто-то из пассажиров забыл в купе часы — их тут же отдали Васе вместе с почти неначатой палкой чуть приплесневевшей варено-копченой колбасы.

— Ой, ты, итить твою мать! — воскликнул один из Васиных подначальных, открыв дверь очередного купе и удивленно застыв на пороге. — Тьфу, напугал! Я уж думал, ты покойник! —

сказал он, обращаясь к Бирюкову и весело скаля беззубый рот. — Эй, помогите, тут мужик на земле валяется, пособи́те поднять его, итить твою налево...

Бирюкова подхватили и помогли сесть на нижнюю полку.

— Что там с ним? — заглянула в купе чумазая и беззубая, как ведьма из детских фильмов, баба в болоньевом мужском плаще, с мешками пустых бутылок в обеих руках.

— Загнулся чегой-то мужик. Эй, слышь, ты! — тормошил бомж Бирюкова. — Может, попить дать? Мань, дай ему попить.

Бирюков почувствовал у своего рта стеклянное горлышко бутылки и, собравшись с силами, замычал, отрицательно качая головой.

— Не хочет.

— На улицу помогите... выйти на улицу, — с трудом проговорил Бирюков.

— На улицу хочет выйти, — перевел сердобольный бомж. — Что, выведем?

Бирюкова подхватили под руки и поволокли в коридор. Он снова замычал и забрыкался.

— Ну что еще?

— Сумка...

— Кто сука? — грозно поднял мохнатую бровь бомж.

— Сум-ка... Там!

— Ну, мужик, ты так говоришь, что ни хрена не поймешь.

— Сумка у него под лавкой, просит, чтоб достали, — догадалась бомжиха.

— А! Так бы и сказал, а то ни хрена не понятно.

Бирюков, увидев, что его сумка цела и невредима, позволил бомжам вынести себя на пути. Высаживая его из вагона, бомжи слегка не рассчитали свои силы и уронили Бирюкова на гравиевую насыпь, но в остальном обошлось без ущерба.

— Сиди, сиди, проветришься немного, полегчает, — сказал Вася, помогая Бирюкову сесть на бетонную платформу опоры электромачты. — Ты тут отдохни, а то попрешься через путя с такой головой и враз под поезд попадешь. Чик, и пополам! Дай, что ли, за помощь чирик, на поправку здоровья.

Бирюков замедленным жестом сунул руку в задний карман брюк, но вспомнил, что кошелек украли. Раскачиваясь и постанывая, он тогда расстегнул сумку, вытащил завернутую в газету бутылку тверской водки «Никитин», приготовленную для московского шурина, и подал ее Васе. Бомж с уважением принял подношение, помог Бирюкову застегнуть сумку, поправил ее еще так, чтобы она, не дай бог, не упала и не скатилась на рельсы, и повел свою команду дальше вдоль пустых составов, оставив Бирюкова сидеть на бетонной платформе мачты среди островка чахлой растительности, пропахшей мазутом и соляжкой.

Брат жены проживал с женой и двумя детьми в тесной двухкомнатной квартире в Медведкове. Он работал шофером в частном магазине, привозил продукты с оптового рынка, разгружал, словом, был на подхвате. Домой приходил поздно, а уезжал рано. Бирюкова на квартире встретила жена шурина — Аня. Приезду родственника она не слишком обрадовалась, но что делать?

Проведя Бирюкова на кухню и собрав на стол, Аня с пристальным недоверием рассматривала подозрительный синяк на физиономии тверского гостя, слушая его рассказ и качая головой. Она и верила, и не верила его рассказу про то, как в поезде на него напали двое кавказцев, избили и ограбили.

— Ладно, на вот, переоденься, — со вздохом сказала она, протягивая Бирюкову новые спортивные штаны мужа, а его пропахшие мазутом брюки забрала в стирку. — Илья сейчас на работе. Детей я в лагерь отправила, так что дома сейчас никого. Я тоже в город хотела поехать. Ты сейчас что собираешься делать? Может, отдохнешь с дороги, телевизор посмотришь или сразу по делам пойдешь?

Бирюков не стал рассказывать Аняте о настоящей причине своего внезапного визита в столицу. Сказал, что приехал по работе, но ни про Лену, ни про убийство Осепьяна говорить не стал.

Еще чего! Может, Ленку через пару дней отпустят, а они на весь свет растреплют, что дочку арестовали? Нет, тут надо действовать по-хитрому. Он и с женой так договорился: рот на замок, и «ничего не знаю, ничего не видел». Жена должна была сегодня с утра позвонить Бирюкову на службу и предупредить, что муж просил оформить отпуск за свой счет, потому что ему пришлось срочно уехать на похороны. После этого жена должна запереть квартиру и уехать на дачу, подальше от любопытных вопросов и разговоров. Если кто и будет что-то спрашивать, то отвечать надо — ничего не знаю, мне Лена вчера звонила и сказала, что у нее все в порядке. А по телевизору — это однофамилица, такое вот совпадение. К счастью, дача у них в деревне, где никто из соседей по фамилии их не знает, там никто вопросов задавать не станет. На даче жена должна сидеть до возвращения Бирюкова.

Он надеялся вернуться в Тверь вместе с Леной, таким образом, сразу отпадут все разговоры о том, она была в доме Осепьяна или не она?..

— Нет, я с тобой в город поеду. Столько дел, что за пару дней командировки всего и не переделаешь, — ответил Бирюков.

Судя по тому, что Анята лишних вопросов не задавала, известие о громком убийстве и аресте Лены прошло мимо них.

— А у вас что в Москве новенького? Что происходит? — на всякий случай задал наводящий вопрос Бирюков, но жена шурина пожала плечами:

— Да черт его знает, мы же на работе целыми днями. Домой пока притянемся, пока поесть приготовишь, даже телевизор посмотреть некогда.

Гостя такой ответ полностью устроил.

Откуда начинать поиски блудной дочери? Разумеется, от того дома, в котором произошло убийство. Раз по телевизору все время повторяют, что Лена была знакома с убитым, что в ночь убийства она находилась в доме, то не мешало бы для начала съездить, поговорить с родственниками покойного. Они, как надеялся Бирюков, и подскажут, что произошло той роковой ночью, по каким таким мотивам арестовали Лену, где сейчас она находится, кто ведет ее дело и все остальное.

Адрес покойного Бирюков узнал из газетных статей. В переходе метро купил целую пачку свежих московских изданий. Специально попросил продавщицу отобрать те газеты, где есть статьи про убийство заместителя председателя Спецстроя.

— Вы что, книгу про него писать собираетесь? — улыбнулась девушка, подбирая газеты.

— И еще карту Москвы покажите, — напуская на себя важности, попросил Бирюков.

Чтобы скрыть синяк под глазом, он надел солнечные очки шурина, и теперь чувствовал себя настоящим детективом.

А что, если подумать, то он может потом и написать. Книгу не книгу, а какую-нибудь большую статью в газету «Совершенно секретно» или в другую — это запросто. Еще и заплатят, пожалуй...

Нет, для этого придется признаться, что Ленка в самом деле была под арестом.

Значит, со статьей не выйдет. А жаль!

Сидя на лавочке в метро, Бирюков прочитал все газеты. Из них он узнал кое-что про самого Осепьяна, но ни слова про Лену в них не говорилось.

«Это и хорошо, — подумал он. — Никто и знать не будет, что это наша Ленка в это дело вляпалась. Эх, дуреха, и что тебя занесло в этот дом?»

Дом покойного Осепьяна стоял на улице Радужной. Номер дома указан не был, но по фотографии в газете его можно будет узнать. Затем по карте Москвы Бирюков выяснил номер

отделения милиции, которое находится в том районе, и как туда добраться на метро. Встал, аккуратно сложил газеты и карту в целлофановый мешок с героями «Санта-Барбары», сел в подошедший поезд и растворился в пестрой московской толпе.

Шурин Илья только вернулся с работы, рассчитывая провести остаток вечера за столом перед телевизором, попивая холодненькое пиво и калякая с тверским родственником о семейных делах, но не успел он переступить порог квартиры, как его в прихожей встретила всполошенная супруга.

— Только что из милиции звонили, тебя спрашивали. Говорят, задержали гражданина, я так поняла, что это Саша. Надо приехать забрать.

— За что задержали?

— Я знаю?! Может, пьяный шел, может, еще что. Я спрашивала, не говорят. Ты же его родственник, так и едь за ним.

...Бирюков сидел в «обезьяннике» рядом с двумя небритыми персонами «кавказской национальности». Ошарашенного шурина он встретил радостным возгласом:

— Наконец-то! Скажи им, что я — это я, а то ведь не выпускают... Ну, блин, предупредить надо, что у вас в Москве такие порядки! — зло выругался на улице уже освобожденный Бирюков. — Козлы поганые! Трезвого человека ни за что в клетку посадить!

— Тихо ты, не буянь, — осадил его шепотом шурин, ведя к машине.

— Удостоверения у меня при себе нет! Я что, в розыске? Что, моя физиономия у них на стенке висит — «их разыскивает милиция»? — высунувшись из машины, во все горло проорал он, проезжая мимо отделения.

— Тихо, а то еще догонят.

— Ни фиги! — вырвавшись на свободу, хорохорился тверской гость. — Стой, ты куда меня везешь?

— Как куда? Ко мне домой. Саша, ты точно трезвый?

— Да не пил я ничего, не пил, у меня тут дело еще одно есть.

— Завтра сделаешь, поздно ведь уже, одиннадцатый час. Какие могут быть дела?

— Ладно, я тебе скажу, только ты никому ни-ни, даже жене. У нас тут дело такое — Ленку мою арестовали...

Бирюков вкратце рассказал родственнику про убийство Оsepьяна, про арест дочери и передал суть своего неудавшегося визита к родственникам покойного. Илья остановился на обочине под разрешающим знаком, слушал и изумленно качал головой.

— М-да, ну и дела... Я слышал про это убийство, но не вникал. А тут вон оно что! Ну, брат, сочувствую.

— Я к этим сволочам по-хорошему, мол, так и так, я как отец интересуюсь, помогите. А они сразу за мной патруль вызвали. Машина подъезжает, ко мне два битюга с автоматами подбегают, мордой на капот, руки на затылок, документ, говорят, покажи. Говорю, в поезде украли у меня все документы. Я к людям знакомым поговорить пришел. А они меня и слушать не хотят, забрали в отделение, — с обидой в голосе рассказывал тверской зять. — Посадили меня в «обезьянник». Я им через решетку кричу, мол, что ж вы делаете! Я сам капитан! За что меня на улице арестовали? Вывели меня. Привели к начальнику отделения, майор там сидит такой, рожа кирпича просит. Выслушал он меня, а сам глаза в стол, на меня, сволочь, даже не смотрит. Рукой закрылся, сам пишет что-то и лениво так говорит: ты, мол, папаша, не туда обратился... И нагло так смеется, сволочь! Ты не туда обратился, мы про твою дочку ничего не знаем, она, говорит, скорее всего, на Тверской широко известна, там и спрашивай. Я не понял, говорю, у кого на Тверской спрашивать? А он отвечает: да ты выйди вечером на Тверскую и иди, а они к тебе сами подойдут. И все остальные тоже ржут, сопляки. Ну, я им тут кое-что и объяснил по-нашему, по-простому...

Илья тяжело вздохнул.

— Что ты? — подозрительно глянул на него Бирюков.

— Да не знаю, как и сказать... А ты Ленку свою давно последний раз видел?

— А что?

— Нет, скажи — давно?

— Приезжала на Новый год, неделю у нас была.

— А ты у нее в Москве был когда-нибудь?

— Пока училась, был у нее в общежитии пару раз. Картошки мать просила передать мешок, варенья, то-се. Деньжат ей подкидывал. Сам понимаешь, как сейчас на стипендию одну прожить.

— А потом? Когда она закончила учиться?

— Когда она на квартиру жить перешла, нет. Она же у хозяйки комнату снимала. Хозяйка, сказала, очень строгая, не любит, когда чужие в доме, специально Лена просила, чтобы мы не приезжали.

— А ты к этой хозяйке сегодня не заезжал?

— Нет. Да у меня и адреса ее нет. Да и зачем, чтобы она знала про Лену? А что ты хотел сказать?

Илья помялся, медля с ответом.

— Ты только не психуй, но твой майор, когда про Тверскую говорил... Знаешь, у нас на Тверской проститутки стоят.

— Ну? — не понял Бирюков.

— Ну и вот. Майор, кажется, имел в виду, что твою Ленку проститутки на Тверской хорошо знать должны.

В машине повисла пауза.

— Это что выходит? — медленно произнес Бирюков. — Он что имел в виду? Что моя Ленка — проститутка?

— Я не знаю ничего, — поспешил отмежеваться Илья. — Она нам вообще редко звонила. И не заходила. Я в ее жизнь не лез.

Бирюков тяжело двигал желваками. Он думал, что его дочь делала в ночь убийства в доме Осестьяна? Если она была... Тогда ясно. Но почему в газете писали, будто подозреваемая жила в доме?

— Ты не расстраивайся, еще ничего не известно, — старался утешить родственника Илья. — Ну даже если что-то и было... Ну и что? Теперь многие так. Жизнь вон какая.

— Ленка проституткой не была, — сказал как отрезал Бирюков.

Шурин помолчал, потом осторожно спросил:

— Так что ты теперь задумал?

— Хочу к ним в дом попасть, где убийство произошло.

— Зачем?

— Да выяснить хочу, за что Ленку арестовали. И почему они меня так отфутболили. Я же с ними по-хорошему поговорить хотел, спросить. Должен же я знать, что моя дочь делала ночью у них в доме, — словно оправдываясь, повторял Бирюков. — Ты отправляйся домой, жена небось уже извелась. Я как-нибудь потом до тебя доберусь. Если что, на вокзале переночую.

— Тут тебе не Тверь, — усмехнулся шурин, — опять заметут в отделение. Ладно, делай что хочешь, я тебя буду ждать в машине.

...Двухэтажный особняк, в котором проживал покойный заместитель председателя Спецстроя, стоял на тихой Радужной улице, вдали от шумного проспекта, от метро и автобусных остановок. Возможность добраться в этот уголок Москвы на общественном транспорте вообще исключалась. С одной стороны территория вокруг особняка была надежно защищена высокой ажурной решеткой какого-то научного института, здание которого возвышалось в глу-

бине зеленого парка. С другой стороны его загораживала от посторонних глаз широкая клумба неправильной формы, с невзрачным памятником неизвестному деятелю, стоящим на гранитном постаменте в центре гирлянды из анютиных глазок, настурций и маттиолы.

Особняк Оsepьяна был окружен высоким дощатым зеленым забором, на котором нигде не значился ни номер дома, ни название улицы.

Пока Бирюков с шурином плутали в хитросплетении московских дворов и улиц в поисках нужного дома, наступила ночь.

— Кажется, здесь, — неуверенно произнес Илья, глядя из машины на широкие ворота в глухом заборе, из-за которого выглядывали густые кроны деревьев. — Больше нeгде, мы всю Радужную проехали взад-вперед три раза. Может, спросим у кого-нибудь для верности? — предложил он просто ради того, чтобы оттянуть неприятный момент, но Бирюков отрицательно покачал головой:

— У кого тут спросишь? Ни одного человека поблизости, как вымерло... Ну что? Я пошел?

— Погоди, скажи сначала, что ты собираешься делать? Как ты туда залезешь? Не через забор же?

— А почему не через забор? Подсоби перелезть, раз уж вызвался помогать.

Шурин хотел сказать, что он вообще-то никуда не вызывался, а просто согласился посидеть в машине, подождать, чем кончится авантюра тверского родственника, но промолчал. Они вылезли из машины, подошли к воротам дома.

— Там у них будка с охраной, — определил Илья.

— Где? — шепотом переспросил тверской зять.

— Видишь видеокамеру над воротами? Вон огонек красный светится? А будка там, за воротами, на въезде.

— Я думал, это голубятня, — признался Бирюков, вглядываясь в неприметную зеленую будку, стоящую на сваях, как жилище аборигенов.

— Ага, жди! — насмешливо ответил Илья.

От ворот к дому Оsepьяна уходила асфальтированная аллея, с обеих сторон обсаженная невысокими голубыми елочками. Над воротами горел яркий фонарь, освещающий пространство перед видеокамерой.

— Пошли скорей, пока охранники на нас внимания не обратили, — посоветовал Илья.

— А вон, посмотри, если незаметно пробраться за елками и залезть во-о на ту крышу...

Действительно, в глубине аллеи, справа, возле дома, виднелась небольшая пристройка с пологой крышей.

— Если на нее забраться, то можно и в дом...

— Ладно, — задумчиво проговорил Бирюков, — пойдем пока...

Они медленно прошли вдоль по тротуару мимо ворот особняка. Перед памятником неизвестному деятелю тротуар сворачивал влево и огибал клумбу. Бирюков и шурин Илья не пошли дальше по тротуару, а свернули в кусты и, стараясь держаться тонкой межи, отделяющей ограду особняка Оsepьяна от бордюра цветочной клумбы, потопали вдоль забора, ища подходящее место для проникновения.

Забор завел их в тупик. Вскоре они уперлись в высокую ограду из металлической сетки, которую сразу не заметили из-за разросшейся зелени.

— Все, стоп, дальше не пройдем, — прошептал шурин, наскочив в темноте на спину резко затормозившего Бирюкова.

— Понастроили себе дворцов на народные деньги, — засопел обиженно Бирюков. — Через границу легче проскочить... Ладно, тут и полезу. Ну-ка, подсади чуток.

Московский шурин был на десять лет моложе и почти вполтину тоньше своего тверского родственника. Кряхтя, он поддерживал грузного Бирюкова, который карабкался, как огромная горилла на забор.

— Осторожно, мои штаны не порви, а то Анюта меня убьет, — прокряхтел снизу шурин. — Да лезь скорее! Я же не железный тебя держать.

«У, кабан, — думал он про себя с обидой. — Разжирел там у себя в деревне. А еще жалуются, что москвичи зажрались, пока остальная Россия голодает».

Наконец Бирюкову удалось закинуть ногу и сесть верхом на забор. Шурин облегченно вздохнул, несколько раз согнулся и разогнулся, поправляя затекшую спину.

— Ну что там? — снизу спросил он.

— Не видно ничего, деревья мешают.

— Собак не видно?

— Вроде нет.

— А забор с той стороны гладкий или набитый? Сам сможешь обратно залезть?

Бирюков поерзал на заборе, проверяя ногой, что там внизу.

— Вроде есть, на что наступить. Ну я пошел!

— Где тебя ждать? Здесь или в машине?

— Иди в машину, а то мало ли что.

Бирюков прыгнул. Шурин приложил ухо к доскам забора, услышал, как глухо ударилось о землю грузное тело тверского родственника, как захрустели под ним сломанные ветки.

— Эй, ты живой? Руки-ноги не переломал?

— Вроде целый, — тихо ответил Бирюков из-за забора. — Все, я пошел!

Шурин услышал, как зашуршали листья и захрустели под ногами песок и мелкие веточки. Потом все стихло. Тогда он тем же путем вернулся обратно к машине, сел и стал ждать.

Бирюков и сам ясно не представлял, что именно он ищет в доме, где произошло убийство, как собирается попасть туда, что будет делать, если наткнется на обитателей дома или, еще хуже, охранников. Четкого плана у него не было, а шел он, полагаясь на «авось», ведомый скорее любопытством, чем ясной идеей. Особого страха он тоже не испытывал — так, скорее, возбуждение.

Сделав несколько шагов, он остановился и прислушался. Было тихо. Впереди перед ним рисовался на фоне светло-синего ночного неба темный силуэт двухэтажного большого дома с острой высокой крышей. На первом этаже за зарешеченным окном горел свет.

К подъезду дома от ворот вела асфальтированная аллея, вдоль которой росли низкие молодые елочки и торчали редкие фонари — круглые плафоны на низких, по новой моде, ногах. От них вверх расходились конусообразные столбы яркого белого света, и в них мельтешила мошकारа и ночные мотыльки. Остальная часть сада скрывалась в непроглядной темноте. На зеленых подстриженных лужайках работали распылители воды, разбрызгивали вокруг тонкие струйки. Бирюков лег на землю и по-пластунски пополз по влажной траве, стараясь не высовываться, чтобы не попасть в освещенный участок. Он полз и полз, изредка подымая голову, пока газон не оборвался узкой дорожкой, выложенной плитками. Эта дорожка огибала дом.

Бирюков поднялся и прошмыгнул за угол, спрятавшись в тени вьющегося винограда. Прямо над ним оказалось освещенное открытое окно. До него долетел запах сигаретного дыма. Внутри были люди, до Бирюкова долетал гул голосов, но слов он не мог разобрать.

Он медленно пошел вдоль стены дома. Соседнее темное окно тоже было открыто. Бирюков поставил ногу на узкий выступ фундамента, собрался с силой и попытался, оторвав другую ногу от земли, дотянуться до решетки на окне. Один раз он сорвался, но со второй попытки смог ухватиться одной рукой за решетку. Теперь он стоял на тонком выступе фундамента, рас-

пластавшись по стене и держась за решетку, и слышал все, о чем говорили в комнате. Он и не думал, забираясь в дом Осепьяна, что окажется на поминках, но именно так и случилось. Этим вечером после похорон в доме покойного собрались ближайшие родственники.

— И ты не боишься оставлять окна открытыми после всего этого? — услышал он рядом с собой громкий женский шепот.

Женщина, казалось, находилась так близко, что он мог бы дотянуться и дотронуться до нее. То-то визгу бы было!

— Решетки ведь заперты, — ответил другой, тоже женский, но более молодой голос.

Говорили с еле заметным армянским акцентом.

— Все равно, мало ли? Один раз смогли в дом проникнуть, и второй...

— Мама, никто в дом не проникал! Что ты повторяешь всякие сплетни?

— А ты такая глупая, что веришь всему, о чем тебе скажут!

— Мама, хоть сегодня не начинай, а? Давай хоть на поминках не будем ссориться.

— Ладно, Лола, я молчу, — примирительно сказала первая женщина, но замолчала она только на несколько секунд. — Я за тебя волнуюсь. Может, все же переедешь ко мне на время?

— Зачем? Чтобы постоянно ругаться? Нет, я лучше тут останусь.

— А ты не боишься?

— Чего бояться?

— Но ведь отца за что-то убрали. Тсс! Не перебивай меня, дай договорить...

— Ничего не хочу слышать! Я знаю, ты скажешь, что это все неправда. Но я знаю, что в папу стреляла Лена!

— Тише, ради бога.

— В папу стреляла Лена! Что в этом непонятного? Тебе тяжело примириться с мыслью, что отца могла убить любовница?

— Лола...

— Да, любовница! Не бойся, все и так об этом знают. Хватит прятать голову в землю и делать загадочный вид, что виноваты темные силы. Обычный сексуальный скандал. Примитивно... В Швеции даже есть особая статья в криминальном кодексе — убийство партнера в постели во время любовных игр. За это женщине там дают пожизненное.

У Бирюкова затекли руки. Он больше не мог держаться и отпустил решетку. Спрыгнув на землю, он поспешил укрыться за зарослями винограда, опасаясь, что женщины внутри дома услышат подозрительный топот под окном. И правда, за решеткой мелькнуло встревоженное лицо.

Бирюков прижался спиной к высокому фундаменту дома и медленно стал продвигаться вдоль стены за угол. Он все еще не терял надежды пробраться внутрь дома. Из подслушанного разговора он понял, что Лола, дочь покойного Осепьяна от первого брака (эти сведения он почерпнул из газет), была знакома с его Леной.

Обогнув дом, он оказался под высоким крыльцом со стороны подъездной аллеи. Там, наверху, курили и разговаривали мужчины. Бирюков затаился. Прислушался к их разговору. Поначалу речь шла о чем-то постороннем, его не касающемся, но потом молодой мужской голос спросил:

— А с ее вещами что делать? — и Бирюков весь насторожился.

Шестым чувством он понял, что речь шла о его дочери.

— И много там ее вещей? — ответил другой голос, принадлежавший явно человеку пожилому.

— Полная комната. Одежда, техника. Видики, шмидики... Она ведь здесь практически жила. Что нам с ними делать?

— Что, что? Выкинуть надо ко всем чертям, зачем нам лишний шум? Собери все в несколько мешков, отвези в лес, облей бензином и сожги.

— Что, все сжечь? — В голосе молодого человека слышалось недоверие.

— Не хочу знать, куда ты это денешь. Себе заberi, своим девушкам раздай, любовнице подари, мне все равно. Я не хочу, чтобы ее шмотки оставались в доме.

— А что делать, если она вдруг выйдет? Ведь она тогда придет сюда за своими вещами...

— Не бойся, не выйдет.

— А вдруг?..

— Слишком много вопросов задаешь, мальчик. Кажется, я все ясно сказал?

— Да, ясно.

— Чтоб завтра в комнате никаких следов от этой Лены не осталось, ты понял?

— Понял, дядя Акуп. А если ее родственники придут за вещами, что мне говорить?

— Говори, что никакой Лены ты не знаешь, в глаза не видел и что здесь она никогда не жила. Ты понял все или еще вопросы будут?

— Извини, я все понял.

К ногам Бирюкова спланировали, как кометы, два непогашенных окурка. Наверху хлопнула дверь.

«Кажись, пора выбираться», — благоразумно подумал он.

Тем же путем вернулся к забору, благополучно перелез на другую сторону, отряхнул со спортивных брюк прилипшую грязь и травинки.

Шурин даже вздрогнул от неожиданности, когда Бирюков дернул на себя ручку дверцы в машине.

— Ты уже? — обрадовался он, открывая машину. — А я сижу паникую. Думаю, что Люське твоей скажу, если тебя вдруг замели. Ну что там? Был у них в доме?

Бирюков молча кивнул.

— Что-нибудь узнал?

— Поехали, — усталым голосом попросил Бирюков. — По дороге все расскажу.

3

Густой сигаретный дым скапливался под потолком плотным грозовым облаком. Часть облака рассеивалась при соприкосновении с решеткой вентиляционной отдушины, покрытой жирным слоем сажи и паутины, но большая и лучшая его часть плавно огибала дверной косяк и выплывала из кабинета дежурного в коридор.

— Слухи ходят, нас сокращать собираются, — нарушил тишину дежурный капитан. — До Нового года не протянем.

Помощник дежурного сержант Семушкин утвердительно кивнул, мысленно соглашаясь со старшим, и выпустил в атмосферу следующую порцию сизого табачного дыма.

— Нигде в Европе вытрезвителей нету, — сказал он. — Считается нарушением прав человека — насильно оказывать медицинские услуги населению.

Врач медвытрезвителя Петя Трофимов поежился. Разговоры о скором и неотвратимом сокращении всегда приводили его в крайнюю степень уныния, несмотря на то что сама по себе работа в вытрезвителе вызывала у него глубокое отвращение. Более того — он стеснялся отвечать на вопросы знакомых о месте работы. Что это такое — врач в вытрезвильке? Ну больница, ну медицинская фирма, ну, на худой конец, поликлиника. А это? Тьфу, да и только!

— Права человека тут ни при чем, — с пониманием дела заявил капитан. — Не окупамся мы.

— А пьяных куда девать? — уныло спросил Петя.

— А никуда. Пускай у начальства голова болит. Мне все равно — под заборами они валяются, на скамейках дрыхнут, песни по ночам горланят... Мне скоро на пенсию.

Произнеся это, капитан замолчал и принялся ковырять пальцем в зубах.

«Тьфу ты! — стараясь не смотреть на капитана, мысленно злился Петя. — Козел старый. Вечно настроение испортит, а самому хоть бы хны».

Обнаружив новые неисправности в своем стоматологическом аппарате, капитан любил повернуться к Пете (как к врачу!), распахнуть рот как можно шире и, тыча пальцем в половые мосты и расшатанные коронки, говорить с ним о зубных проблемах.

Чтобы лишить капитана на этот раз возможности продемонстрировать содержимое своего рта, Петя сделал вид, что осматривает лежащего связанным на полу пьяного мужика. Забулдыга спал, пускал во сне пузыри и ухмылялся. Петя наклонился к нему, проверил пульс на обеих руках, осмотрел повязки, не сильно ли они зажаты.

Мужик вдруг беспокойно зашевелился, заерзал, что-то промычал сквозь сон, и из-под него потекла по полу лужа.

— Вше-таки обошлась, шкошина, — засунув палец в рот и планомерно расшатывая свои мосты, изрек дежурный.

— Говорил, в камере его надо закрыть, — возмутился Семушкин.

— Швяшоного не полошено, — ответил капитан.

Вынув палец изо рта, он обтер его о полу кителя.

— Связанный должен находиться под наблюдением, — добавил он уже нормальным голосом.

Семушкин ничего не ответил, затушил окурок в горшке с чахлым растением трудноопределяемого вида и полез за новой сигаретой.

Петя принес этот цветок из дому и очень переживал, что Семушкин повадился использовать гераньку вместо пепельницы, но долгий опыт общения с сержантом показывал Пете всю бесполезность увещаний, поэтому он только вздохнул и отвернулся.

— Мне говорили, что от пепла никакого вреда растению нет, — сказал Семушкин, словно прочитав Петины мысли. — От него цветы растут еще лучше. Как от удобрения. Пепел вообще

штука полезная. Мой дед, например, рассказывал, что он пеплом раны присыпал во время войны. А еще говорят, что на Западе пепел принимают в аптеках, двести долларов за килограмм.

— Твоя мама, наверное, пепел тоннами сдавала, когда беременная была, — буркнул Петя, но Семушкин не обиделся — наверное, не понял намека.

— Так что, Трофимов, можешь искать себе другую работу, — снова завел свою волюнку капитан. — Мы — фирма ненадежная. Вот поработаем еще пару месяцев, и закроют. Мне-то что? Мне все равно на пенсию... А ты бы подыскивал пока что-нибудь подходящее, пока не поздно.

Дежурный поднялся, чтобы вытряхнуть из яйцеобразного заварного ситечка старую заварку, но крышка ситечка никак не поддавалась, как ни старался капитан ее сковырнуть.

— Дайте сюда! — раздраженно сказал Петя, забирая у дежурного ситечко.

Он повернул крышку ситечка по оси так, чтобы выступ на верхней половинке попал в специальное углубление на нижней. Крышка ситечка легко отскочила.

— Во, блин! — искренне удивился капитан, следя за Петиними манипуляциями. — Далеко пойдешь!

Пока дежурный заваривал чай, Петя сполоснул над раковиной стаканы.

— Цветок свой полей, что-то он привял, — посоветовал капитан.

— Это от дыма, — ответил Петя, — и пепла твоего хваленного.

Усевшись, он и сам задымил сигаретой за компанию, хотя дома, в обычной жизни, никогда не курил.

Семушкин задремал, сидя на стуле. Дежурный достал из «дипломата» целлофановый кулек с бутербродами, налил в свой стакан чаю и принялся обедать.

— Бери, угощайся, — с набитым ртом сказал он, придвигая поближе к Пете бутерброды с маслом и сыром, но Петя, как ни был голоден, предпочел воздержаться.

Ему портило аппетит живое воспоминание о желтых прокуренных капитанских челюстях.

— Голодай, интеллигент, — пожал плечами дежурный, с аппетитом уминая кусок за куском. Слово «интеллигент» он произнес с украинским акцентом, что еще больше должно было показать его дистанцированность от означенной социальной группы.

Петя вытащил из своей записки книгу, открыл на заложенной странице и попытался углубиться в чтение.

— Что читаешь? — спросил капитан.

Не дожидаясь ответа, он перегнулся через стол и принялся рассматривать обложку.

— Достоевский, «Идиот», — прочитал он по складам. — М-да... Я вот, когда еще надзирателем в КПЗ был, всю библиотеку отдела прочитал. Особенно мне раздел военно-патристической книги нравился. Я и теперь помню всю войну, все сражения, где, что, когда, кто командовал. Я когда в школу милиции поступал, историю на пять сдал один из всей группы... А ты всякую херню читаешь, — заключил он, почесывая зад.

— Херню, Иван Николаевич, — подтвердил Петя, не отрывая глаз от страницы. — Я хороших книг не люблю.

На некоторое время в кабинете воцарилась тишина. Первым соскучился капитан.

— Доктор, — начал он новую тему, — вот ты мне скажи, отчего у меня задница чешется? Даже на людях уже неудобно. И жена тоже ругается. Я ей спать мешаю, ночью чешусь. И перед людьми ей стыдно, говорит, вечно я перед кем-нибудь зад почешу.

«Глисты», — подумал про себя Петя, но вслух поинтересовался, нет ли у капитана еще каких-нибудь жалоб.

Но дежурного ничто больше в своем организме не беспокоило.

— К проктологу ходите, а пока ванны из отвара ромашки принимайте, — мстительно посоветовал Петя, не поднимая головы от книги.

Хотя читать на дежурстве не получалось. Покончив с одной темой для разговора, дежурный изобретал две новые. Теперь он принялся во всех подробностях рассказывать, как однажды, когда он учился в старшем классе школы, физкультурник не отпустил его с урока в туалет, и он наложил перед всем классом в штаны. История была поучительной во всех отношениях, даже Семушкин проснулся, чтобы ее послушать...

...Петя Трофимов с тоской подумал, что его однокурсник Олег Притулин работает в Бишкеке на «Скорой помощи» в реанимационной бригаде, более того — играет на гитаре в местной группе, пишет песни и даже записал альбом. Когда-то, еще в студенческие времена, Петя ссудил Олега парочкой стихотворений собственного сочинения. Теперь на эти тексты Олег написал песни, а недавно звонил и просил прислать еще пару стихов, которые можно положить на музыку.

Подумав об этом, Петя даже улыбнулся.

— Что это ты там вычитал такое смешное? — заметил его улыбку капитан. — Во, во, смотри, опять чешется... Так чего ты смеялся?

— Так, ничего...

В углу кабинета, на тумбочке, запищала включенная на милицейскую волну радиостанция. «Бу-бу-бу... Груз в вытрезвитель... бу-бу...» — сквозь шум и треск донесся обрывок разговора.

Дремавший Семушкин тут же проснулся и вскочил со стула. Лежащего на полу мужика нужно было перетащить в «Палату помещенных на вытрезвление». Шумно сопя, капитан помогал ему, заодно пытаясь развязать мягкие повязки, спутавшие пьяного мужика по рукам и ногам.

«...был связан в связи с буйством и бесчинством, — торопливо заполнял протокол Петя. — Ругался, пытался затеять драку с нарядом вытрезвителя...»

Рука сама выводила запомнившиеся до автоматизма формулировки.

«...Развязан в 18.40».

С улицы донесся шум подъехавшей милицейской машины.

— Уже кого-то волокут! Доктор, иди смотри! — всполошился капитан, хотя машина только остановилась и патрульные даже не успели из нее выйти.

Рация на тумбочке разродилась новым сообщением: «Васюки, тридцать пять — семнадцать в вытрезвителе...»

«Васюки» были позывными отдела, их меняли каждый год, и Петя всегда удивлялся фантазии милицкого руководства. «Тридцать пять — семнадцать» было номером патруля.

Судя по характерному шуршащему звуку и тихим ругательствам патрульных, Петя догадался, что кого-то тянут по ступенькам.

— Принимайте тело! — бодро гаркнул сержант патрульно-постовой службы, первым входя в кабинет дежурного.

Его напарник остался стоять в дверях.

Капитан побежал принимать клиента.

— Доктор, доктор! — раздался в коридоре его взволнованный голос. — Иди сюда! Смотри, кажется, он избитый!

— Лежал на автобусной остановке, — сообщил патрульный.

Петя склонился над очередным забулдыгой.

Это был мужчина лет тридцати пяти — сорока, довольно приличного вида. На руке — тонкая дужка золотого обручального кольца. Щека и руки доставленного были покрыты свежими кровавыми ссадинами, но ничего серьезного Петя в этом не усмотрел.

— Скорее всего, сам ободрался, когда падал, — сказал он дежурному.

— Целенький, — подтвердил патрульный. — И бабок полные карманы.

— О! — Глаза капитана заблестели. — Нам такие клиенты нужны. А то привозите, привозите, а у них денег нету даже штраф заплатить.

Мужчину раздели до трусов. Без особого энтузиазма Петя принялся за свое дело: проверил пульс, прощупал живот и ребра, проверил зрачки. За исключением ссадин на лице и руках, мужчина никаких внешних повреждений не имел. Ну, может быть, отравился алкоголем.

На всякий случай Петя ввел ему внутривенно глюкозу с витаминами.

Капитан уже пересчитывал обнаруженные в карманах деньги клиента.

— О! На штраф хватает... Документы при нем есть?

— Нет, — ответил Семушкин, обшаривавший все потайные складочки на одежде пьянчуги.

Из карманов кроме денег были извлечены на свет талоны на проезд в городском транспорте, телефонная карточка, схема метро и смятый прокомпостированный билет на поезд. Капитан развернул его и прочитал фамилию: Мухтолов.

— Так и запишем, — решил он. — А зовут как? Что придумаем? Иван Иванович?

— Скорее Никита, — ответил Петя. — У него татуировка на плече «Никита».

— Ну ты Шерлок Холмс! Точно профессором скоро станешь, — с уважением посмотрел в его сторону капитан. — Ладненько, пусть будет Никита. Никита Сергеевич Мухтолов.

— Почему Сергеевич?

— А как Хрущев. Или Михалков.

Пока капитан писал протокол, Семушкин уселся на стул и снова задремал.

— Вот уже и проверка скоро, — посмотрев на часы, сказал капитан. — Этот обоссанный до часа проспится, а новый не проспится, будет у нас до утра.

«Проспавшегося» до часа ночи клиента разрешалось отпускать домой.

Петя подумал, что новоприбывший Мухтолов точно не очухается до этого времени и его придется оставить в вытрезвителе на ночь, а это означало бессонное дежурство. А спать уже очень хотелось...

Капитан, по всей видимости, тоже не был в восторге от такой перспективы.

— Может, ты ему укольчик какой сделаешь, чтобы прочухался скорей? — предложил он Пете, когда патрульные ушли. — Только не сейчас, а после проверки, когда ответственный домой уйдет, а?

В принципе Петя знал способы, как поставить на ноги пьяного до потери сознания человека минут за тридцать, но такое «ускоренное вытрезвление» теперь запрещалось, и он немного сомневался. Капитан соблазнял его разными многообещающими посулами.

— Подумаешь, всего один укольчик! Хочешь, я тебе сегодня матрац уступлю? А?

— Посмотрим, — уклончиво отвечал Петя.

Наконец пришел ответственный, проверил, как у них обстоят дела, сделал запись в журнале нарядов и, пожелав всем спокойной ночи, отчалил домой.

По мере того как приближалась ночь и возрастало желание прилечь и закрыть глаза, сомнения в душе Пети таяли с геометрической прогрессией. Бороться со сном он не мог, оставлять пьяного без присмотра на ночь опасно (вдруг вены вскрыет зубами? Такие случаи уже были), а тут такая соблазнительная перспектива — всего один укольчик! Немного повздыхав, он наконец решился.

Петя ввел спящему беспробудным сном гражданину «фирменный коктейль» из смеси сердечных и дыхательных аналептиков, а для стимуляции головного мозга — кофеин. Через пару минут бледный, с зеленоватым отливом цвет лица у спящего пьянчуги стал приобретать нормальный розовый оттенок. Дыхание стало более ровным и спокойным. Минут через пятнадцать спящий открыл глаза, поднялся с койки в палате, немного походил взад-вперед, видимо соображая, где он и как сюда попал, и стал стучаться в дверь, прося, чтобы его выпустили.

— О! — немедленно среагировал капитан. — Видишь, как оживился? Сейчас немного побуянит, успокоится и заснет, и мы тоже сможем поспать.

— Эй, выпустите меня! — кричал гражданин. — Я в сортир хочу! Слышите? Выпустите меня!

Семушкин поднялся со стула.

— Ладно, иди!

Он вывел пьянчугу из палаты в коридор, довел до двери туалета, а сам вернулся обратно в кабинет дежурного за сигаретой. Из туалета донесся шум слива в унитазе, потом все затихло, а клиент все не появлялся.

— Эй! Скоро ты там? Выходи, — окликнул его Семушкин.

— Чего он так долго? Скоро второй час, выпускать пора. Выводи обоссанного пока, — сказал капитан.

Семушкин сходил в палату и привел протрезвевшего гражданина, спавшего до этого связанным на полу в кабинете дежурного. Пока капитан выписывал ему квитанцию на штраф, Семушкин пошел к двери туалета.

— Долго ты еще? Выходи, отпускать пора! — крикнул он.

Никакой реакции со стороны клиента не последовало.

Семушкин толкнул дверь и заглянул в помещение сортира. Клиента внутри не было, зато над унитазом зияло черным провалом в ночь распахнутое настежь окно.

Красный, как помидор, Семушкин вбежал в дежурку.

— Сбежал! Голый в окно выскочил и убежал!

Капитан и Петя вытаращились на Семушкина.

— Ну придурок! Ну придурок! — протянул капитан, и неясно было, про кого это он: про сбежавшего в одних трусах клиента или про Семушкина.

— А я знал? — обиделся на всякий случай нерадивый сержант.

— Ну не увидишь ты в этом месяце премиальных! — погрозил ему кулаком капитан. — Напишу я на тебя докладную начальнику!..

Повисла неловкая пауза. Даже забулдыга повесил нос и сидел тише воды ниже травы.

— А может, и черт с ним? — переменял вдруг решение дежурный.

— Далеко он в одних трусах не уйдет, — робко предположил Семушкин. — Патруль увидит и все равно сюда привезет.

— А! Хрен с ним! — махнул рукой капитан. — Протокол я на него не успел оформить, деньги его тут остались, пусть бежит. Если за одеждой явится, то пускай пока одежда в каптерке полежит. На всякий случай надо проверить, может, он в розыске? Чего это он вдруг драпанул?

Капитан достал из ящика стола замусоленный список разыскиваемых и прошелся по нему указательным пальцем, высматривая фамилию Мухтолов. Но такой фамилии в списке не оказалось.

— Нет, ну и хрен с ним! Пошли спать!

Но не успели они разложить на полу матрац и оторванную спинку от дивана (обычно на ней спали Петя или Семушкин, а матрацем безраздельно владел капитан), как под окном взвизгнули тормоза патрульной машины.

— Ну я же говорил привезут! — обрадовался Семушкин.

По ступенькам затопали ботинки. Уже приезжавший этой ночью наряд тридцать пять — семнадцать снова появился на пороге вытрезвителя.

— Забыли отдать! — вваливаясь в кабинет дежурного, гаркнул сержант-пэпээсник, обладатель бодрого баса.

Он положил на стол капитана небольшой спортивный рюкзачок.

— В машине под сиденьем валялся, — объяснил он. — Как хозяин? Спит еще?

— Ага, — вяло пробормотал капитан, глядя на сумку.

— Там вещички его, но документов мы не нашли. Проверяли, нет вроде, — сказал сержант. — Ну пока! Нас в отдел вызывают. Поехали...

Когда патрульные ушли, капитан, Семушкин и Петя склонились над неожиданно свалившимся на их головы багажом беглого алкаша. Никто из них не обратил внимания на слова патрульных, а зря, потому что пару минут назад патруль номер тридцать пять — семнадцать получил по рации сообщение о странном ограблении, произошедшем в их районе. Пожилая тетенька, выгуливавшая своего мопсика во дворе соседнего многоэтажного дома, была застигнута врасплох неизвестно откуда выскочившим голым гражданином безумного вида. Тетенька только ахнуть успела, как гражданин толкнул ее в подъезд, заткнул рукой рот и стал стаскивать с нее спортивные брюки. Женщина принялась кусаться, лягаться и визжать, но неизвестный маньяк успел-таки завладеть ее спортивными штанами «адидас» пятьдесят восьмого размера и домашними шлепанцами, после чего растворился в ночи...

...Но всей этой ужасной истории наряд вырезвителя, к своему счастью, так и не узнал.

— Что с ним делать? — Семушкин полез в рюкзачок и извлек из него увесистый металлический цилиндр. — На термос похоже, — сказал он, подхалимски заглядывая в глаза дежурному.

— Термос, термос! — передразнил его капитан. — Вместо башки у тебя термос! Умник...

Капитан взял цилиндр в руки, повертел, попытался открыть крышку, подковырнув ее ногтем. Крышка не поддавалась. На цилиндре виднелись следы от выгравированных по металлу цифр и букв, но они были тщательно сбиты молотком и затерты, отчетливо виднелся лишь стоящий в конце строчки жирный восклицательный знак.

— Это не крышка, товарищ капитан, — снова вмешался Семушкин. — Это этикетка. Видите, она по краям маленькими заклепочками крепится?

— Сам вижу, — раздраженно ответил дежурный.

Он уже успел обломать ноготь и теперь был зол, как сто чертей.

— Думаешь, самый умный?

Петя Трофимов в этот ученый спор не лез, он сидел в сторонке и с интересом наблюдал за капитаном и сержантом.

— Какой же это термос, если он не открывается? — тем же злым и раздраженным тоном спросил капитан. — Через что в него чай наливают? Из какого железа он сделан? Тяжелый...

— Может, это немецкий трофейный? — предположил Семушкин. — Мой дед с войны принес похожий, потом с ним на рыбалку ездил, пока не потерял. Или наш, армейский? По оборонной технологии?

— Может, это космический термос? — подлил масла в огонь Петя. — У моего сокурсника авторучка была из куска металла, побывавшего на станции «Мир». На футляре от ручки тоже специальная бирка была и сертификат, что все честно, ручка сделана из куска космического железа.

— Ну хватит, — прекратил споры капитан, утомленный бесполезными попытками развинтить загадочный цилиндр. — Пускай лежит. Раз хозяин все свое добро тут оставил, значит, еще появится.

Он забросил цилиндр обратно в рюкзак.

— Если до утра хозяин не объявится, то я протокол заводить не буду. У него в протоколе только подписи патрульных, это не страшно. А если появится, то отдайте ему шмотки и сумку. Я их пока в каптерке сложу.

Ночь выдалась спокойная. Пьяных больше не привозили, и Пете почти удалось выспаться. Утром он уже собирался домой, когда к нему вбежал, ошалело вытаращив глаза, дежурный капитан.

— Начальник звонил! Проверка идет!

— Из медицинского отдела будут? — поинтересовался Петя.

— Нет. Только по мою душу. А у нас шмотки в каптерке и сумка! Еще подумают, что мы людям вещи не возвращаем. Петя, будь другом, возьми их с собой и выкинь по дороге в мусорный бак, а? Только подальше от нас. Ты все равно домой идешь. Выкинь, а? Мне еще все написать надо успеть.

— Ладно, — пожал плечами Петя. — Давайте.

Одежду сбежавшего клиента сложили в его же спортивный рюкзачок, и нагруженный поклажей Петя отправился домой.

По пути к троллейбусной остановке через дворы жилого микрорайона он высматривал подходящий мусорный бак. Завидев неподалеку от ограды детского сада ряд притаившихся в кустах ржавых мусорных контейнеров, он подошел к ним и хотел было уже зашвырнуть все вместе с рюкзаком, но в последний момент соблазнился загадочным трофейным-космическим-немецким термосом. Открыв сумку, он вытащил цилиндр и принялся его разглядывать. Таинственная штукавина состояла из двух почти одинаковых по величине долек, линия разреза опоясывала цилиндр ровно по центру. На верхней дольке (или крышке?) цилиндра когда-то была проштампована надпись и нарисован неразборчивый значок в кружке, похожий на Знак качества (хотя Знак качества вообще-то стоит в пятиугольнике, а не в круге). Разобрать стертую надпись не представлялось возможным. Петя хотел было забросить цилиндр в помойный бак, но рука не поднялась. А вдруг это что-нибудь ценное и редкостное? Вдруг правда космический термос, герметично закрытый? Или вообще инопланетный предмет с НЛО? Или просто болванка из чистой меди, ее в скупку цветных металлов сдать можно? Мало ли...

Петя сунул цилиндр под куртку, решив, что дома с ним разберется. А выбросить всегда успеет. Одежду беглого клиента он запихнул в рюкзак, но не стал выбрасывать его в помойку, а поставил рядом с баком — пускай подберет бомж или нищая бабуля-пенсионерка. Вещи-то вполне приличные...

4

Утром я созвонился со следователем, ведущим дело. Мы договорились с ним встретиться только в начале первого дня, хотя я рассчитывал закончить все дела с самого утра и сразу из Бутырок поехать в стоматологическую клинику. Зуб заныл еще вчера днем, но боль, зараза, то затихала, то усиливалась, то снова затихала, так что вчера до самой ночи я почти не обращал на нее внимания. Зато ночью прихватило так, что смог уснуть только после двух таблеток анальгина и теплого полоскания с содой.

Утром, бреясь, посмотрел на себя в зеркало и сморщился: что за вид! Рожа мятая, глаза в красных прожилках, под глазами мешки... Тьфу! Будто встал с похмелья.

Утром зуб уже не просто болел: казалось, что вся голова превратилась в гудящий колокол. «Бум! Бум! Бум!» — пульсировала кровь в висках, причиняя невероятные муки. А еще эта жара!.. В восемь утра градусник за окном кухни уже показывал плюс двадцать два в тени, предупреждая, что часам к трем пополудни Москва превратится в настоящее дымящееся пекло. Как на вулкане... Можно себе представить, что чувствуют те немцы, что ездят по всему миру и следят за извержениями вулканов. Видел я тут по телевизору... Стоишь эдак в ботинках на раскаленной докрасна земле, подошвы под тобой дымятся, а ты ковшиком черпаешь раскаленную, как расплавленное железо, лаву и кайфуешь...

Я проглотил горячий черный кофе без сахара. Утренняя доза: четыре чайные ложки на полстакана воды. Перед глазами сразу же заплескали зеленые мотыли.

Раскаленная лава... И не боятся эти немцы спать в палатке на вулкане? Интересно, слышно, как под коркой земли лава перекачивается? Звук, наверное, как от нашей подземки.

Нет, надо срочно прекращать по ночам смотреть кабельное телевидение, так и с катушек съехать недолго... Хотя зачем подключаться к кабельному, если ничего не смотреть?

Елки-палки, ну что за жизнь?!

Садясь в машину, я поднял голову и взглянул на небо. Ни облачка! Серенькое, цвета выгоревшего ситца, небо над столицей не обещало в скором времени ни капли дождя.

По дороге на работу я то и дело поглядывал на свою физиономию в зеркало заднего вида. Десна вспухла, и я время от времени ощупывал щеку, проверяя, не распухла ли она тоже, так что под конец мне уже стало казаться, будто одна щека у меня больше другой от самого рождения.

Нет, нужно сосредоточиться. Так, что там по клиентке? Обвинение в убийстве. Документы в папке лежат, но вчера я только бегло просмотрел их, все из-за этого зуба. И что с ним? Вроде недавно каналы пломбировали, нерв удален, чему там болеть — не понимаю? А ведь с ума сходишь от боли. И анальгин уже не берет. Что там по телику рекламировали против боли?.. Солпафлекс?.. Солпадеин?.. Опять отвлекся.

Притормозив возле аптечного киоска, я обогнул старушек в очереди. Глаза горят, как у голодной собаки, в голосе дрожащие нотки: люди добрые, помогите, погибаю! Провизорша посмотрела на меня с сочувствием, как та добрая аптекарша Мария из рекламного ролика, которая всех соседей травила своим аспирином. На мою просьбу дать что-нибудь обезболивающее она долго перечисляла незнакомые названия препаратов, которые мне казались абсолютно одинаковыми. Старушки сзади наперебой советовали попробовать свои любимые. Да мне все равно, что угодно давайте, только чтобы не болело!

Прямо у входа дрожащими руками я распечатал пакетики и бросил в рот пригоршню разноцветных таблеток, запил все это шипучей минералкой, прислушался к внутренней деятельности организма. Кажется, все препараты попали по назначению, прямо в пустой желудок. Нет, не совсем пустой, я забыл про четыре ложки кофе...

Через полчаса, подъезжая к воротам Бутырок, я уже не чувствовал никакой боли. В голове — легкий туман, во рту гадкий аптечный привкус. Зато боль как рукой сняло. Жить сразу стало лучше и веселей.

Развалившись на стуле в прохладной комнате для допросов, бросив папку с адвокатским досье перед собой на стол — надо же наконец прочитать! — я допил теплую минералку.

— Как там сегодня? Снова печет? — вступил в беседу дежурный СИЗО, лицо которого было мне знакомо.

Наверное, он меня тоже помнил по прежним визитам.

— Страшное дело, — подтвердил я, попутно размышляя, сколько, интересно, автокатастроф в день происходит в Москве из-за того, что у водителя в крови подозрительная смесь кофеина, анальгина и антибиотиков? — Градусов под тридцать. Может, и больше.

— А у нас тут хорошо, прохладно, — сказал дежурный. — Стены толстые.

— Да, у вас тут просто санаторий.

Дежурный, довольный шуткой, раскатисто засмеялся.

Ему лет двадцать пять, наверное, и ему кажется, что мы ровесники, вот он и решается заговорить. Скучно ему. Сейчас бы на пресловутое Химкинское водохранилище, да с пивком, да с девушкой, да не с одной... А не торчать тут. Это только Довлатов мог прикалываться с должности «вертухая». Да и то, когда служил, навряд ли прикалывался.

Дверь открылась, и в комнату вошел высокий сухощавый тип в роговых очках, похожий на достопамятного члена Политбюро Суслова. Только помоложе.

— Дроздов. Павел Ильич, — проскрипел он, протягивая мне узкую и длинную как вобла ладонь, — я следователь по делу...

Он мельком глянул на обложку папки, которую держал другой рукой.

— ...По делу об умышленном убийстве, в совершении которого обвиняется Елена Бирюкова.

— Гордеев, — отозвался я, пожимая его руку, которая и на ощупь напоминала излюбленный у нас дар Каспия.

«Суслов» сел за стол и немедленно закурил. Я с интересом наблюдал за ним. Все-таки забавно представлять себе чужую жизнь, чужие побуждения, привычки, ценности. Вот этот, например, следователь. Ведь наверняка вызвал его начальник и строго-настрого наказал что-то типа: «Не затягивай с делом, Ильич». И Ильич послушно кивнул и пошел домой к своим детям, которых наверняка учит не обманывать. А впрочем, чего это я? Разве Розанов не то же самое мне сказал? А я? Возмутился? Нет, наоборот. Пошел на поводу. Из-за денег. Ну, конечно, я не следователь, я адвокат, мне можно. И потом, если бы не я взял это дело, то Генрих поручил бы его кому-нибудь другому, Слаvinу например. А уж он точно не рефлексировал бы. Хотя чего рефлексировать, если девица действительно уколошила Оsepьяна. Сейчас посмотрю дело...

— Сейчас вашу эту... барышню... приведут, — сказал дежурный, сделав паузу перед «барышней», словно специально вспоминал это слово, приготовленное заранее.

Дроздов даже не повернул головы.

— Угу, — промычал я в ответ, пробегая глазами напечатанные на машинке строчки скопированных документов по делу. Посмотрим, что это за убийца бакинских комиссаров...

«Елена Александровна Бирюкова, 1975 года рождения, русская, образование высшее юридическое...»

Коллега? Это уже интересно.

Обвиняется по статье... так-так... УК РФ... часть вторая... убийство при отягчающих обстоятельствах... гр-на Оsepьяна С. И.

М-да, здорово влипла. От десятки до пожизненного. Покойный был ее любовником. За что убивают любовников? Из ревности. Покойному было пятьдесят два, ей двадцать четыре... Нет, ревность тут не припишешь. Может, решила обокрасть? Самозащиту тоже трудно будет

притянуть за уши. Судя по материалам дела, она стреляла в покойного, когда тот спокойно спал в своей кровати.

— Стойте здесь! — донесся из коридора голос конвоира-контролера.

Дверь открылась, и в комнату ввели обвиняемую. Я спешно дочитывал материалы дела, стараясь побороть охватившее чувство, что мне всучили полный тухляк и безнадегу. Хотя зачем бороться? Я с самого начала знал об этом. Судя по интонациям шефа, от меня требовалось в этом деле только одно — присутствие и формальная защита. Все остальное решили без меня.

На свою подзащитную сразу я почти не обратил внимания, только кивнул ей и снова поглядел на Дроздова. Тот, напротив, с интересом взглянул на вошедшую.

Она сидела напротив: одна рука тербит длинные локоны, другая подпирает щеку, — и скучающе изучала мою физиономию, так что я почти физически ощущал на себе ее взгляд. Странно, но от этого мне сделалось вдруг жарко. Хотя замечу в скобках, что еще жарче бывает только в сауне. Чтобы как-то отвлечь ее внимание от собственной персоны, я молча протянул ей сигарету, выбив щелчком одну из пачки. Она взяла, сама щелкнула моей зажигалкой, прикурила и стала выпускать дым колечками, следя глазами, как они поднимаются к высокому побеленному потолку.

Как только она появилась в комнате, я уже не мог сосредоточиться.

Дроздов зачитал обвинительное заключение, дал Бирюковой подписать и удалился.

Наконец, с трудом вникнув в смысл двух последних бумаг, находящихся в моем адвокатском досье, я поднял голову и откинулся на спинку стула.

— Здравствуйте еще раз. Я ваш защитник. Меня зовут Гордеев Юрий Петрович. Я защищаю вас по назначению суда, который обязан обеспечить вас защитой. Мы с вами будем встречаться по мере необходимости. Елена Александровна, ознакомившись со следственными материалами вашего дела, я пришел к предварительному заключению, что во время следствия имели место некоторые нарушения. Пока предлагаю ухватиться за это...

Взгляд... Ее взгляд моментально заставил меня позабыть и о зубной боли, и вообще обо всем на свете. Я вообще-то гипнозу не поддаюсь, но тут... Что-то странное было во взгляде Лены Бирюковой, завораживающее и таинственное. Я тряхнул головой и снова уставился в бумаги. Лена тонко улыбнулась и села.

— Так вот, исходя из того, что...

— А вы чего такой кислый, Юрий Петрович?

Ее вопрос, а еще больше — тон, которым он был задан, ошарашили меня. Я запнулся на полуслове, моментально забыв, что собирался сказать, и уставился на клиентку, пытаюсь вспомнить, где и когда мы с ней познакомились? Таким тоном могла говорить одноклассница, сокурсница, соседка по двору, которую знаешь с детства, но никак не незнакомый человек.

— Нет, серьезно, вы какой-то смурной, — улыбаясь и глядя на меня широко открытыми голубыми глазами, повторила она. — Вы от моего дела так скисли или у вас зубы болят?

— Да. Болит зуб, — промямлил я, все еще напрягая память.

Нет, мы с ней никогда прежде не встречались, даже мельком, теперь я в этом был уверен.

Лицо Лены Бирюковой исказила сочувственная гримаска.

— Ой, бедненький. Я вас понимаю. Вы у врача были?

— Сегодня собираюсь.

— Хочешь, я дам телефончик моей врачихи? Она классно лечит. У нее свой кабинет на Никитской. Она мне все зубы делала, во, посмотрите...

Она придвинула ко мне свое лицо и широко распахнула рот, демонстрируя действительно идеальные, как в рекламе зубной пасты, ровные жемчужные зубы.

— Блеск, правда?

Я вяло пробормотал что-то в ответ.

— Она пломбирует вообще без боли, у нее бормашина то ли кислородом сверлит, то ли воздухом, я не помню точно, но в общем здорово. Дайте ручку, я вам запишу адрес и ее номер. Скажете, что от Ленки Бирюковой, она без записи примет. К ней очередь расписана на месяц вперед, она всем нашим спортсменам зубы делает, но вас она примет без очереди и лишнего не возьмет.

Продолжая болтать, она взяла у меня из рук шариковую ручку и потянула на себя мою записную книжку. Спohватившись, я вежливо отнял у нее ручку.

— Извините, не положено. Я сам запишу.

Она назвала номер телефона и адрес.

— Спросите Аллу.

— Просто Аллу? А как ее фамилия, отчество?

Девушка искренне удивилась:

— Понятия не имею. А зачем? Просто Алла, и все. Скажите ей, что от меня.

Контролер за дверью загремел стулом. Я спohватился. Черт, время-то летит, а мы тут зубы друг другу заговариваем.

Я постарался вернуться к более официальному тону.

— Алла, то есть Елена Александровна, мы с вами должны...

Она снова меня перебила:

— Ой, давайте перейдем на «ты», просто Лена. Я конечно, понимаю, не положено...

Она озорно подмигнула.

— Да, Юра, и еще, пока не забыла, я тебе список вещей приготовила, которые мне тут понадобятся. Договорись, пожалуйста, со следователем, пусть разрешит мне их передать. Возьми листок, запиши.

— Я запомню.

— Нет, ты забудешь! — убежденным голосом сказала она. — Пиши: шампунь «Шаума» с витаминами для нормальных волос, дневной крем для сухой кожи, зубная паста «Бленд-а-мед», зубная щетка, дезодорант...

Она продиктовала еще с десятков наименований различных косметических изделий.

— Я не имею права передавать сюда вещи. Пусть родственники передадут передачу официально, — с сомнением покачал я головой, старательно выписывая под ее диктовку все подробности, что, с каким витамином и для какой кожи.

— Какие родственники? Нет у меня никого. Ну придумай же что-нибудь! — хлопая длинными ресницами, ответила Лена. — На то ты и адвокат. Насчет денег не волнуйся, я все возмещу. Деньги у меня есть, пять штук на кредитной карточке «Виза», я все время откладывала на черный день. Я бы тебе с удовольствием саму карточку сейчас отдала, но только она осталась в доме Сурика, со всеми моими вещами. Ты ведь не сможешь ее забрать?

Я покачал головой — нет, это уж точно.

— Жалко, но когда все кончится, я смогу ее забрать и все тебе верну, до копейки. Можешь чеки сохранить. В этом смысле я человек надежный, не сомневайся. Чужого не возьму, но и своего не дам, это мой принцип. Договорились? Ты купишь и передашь как передачу, ладно? А лучше сюда принеси во время свидания. Хорошо?

Наверное, что-то в моем лице ее насторожило.

— Ты ведь не сомневаешься, что меня выпустят? — Она посмотрела на меня, и в ее глазах впервые промелькнул... не страх еще, но испуг. — Я ведь его не убивала. Правда. Нет, серьезно, не убивала. Ты мне не веришь?

Я не слишком ей верил, но что делать? Работа такая.

— Как тебе тут вообще? Плохо? — неожиданно для себя спросил я.

С этой девчонкой невозможно было разговаривать иначе, другим тоном.

Я думал, что Лена станет жаловаться на режим, на плохое питание, на сокамерниц, на тесноту и духоту... Перечень проблем всегда и у всех одинаков. Помочь ей в этом я бы не смог, разве что дал бы отвести душу...

— Почему? Нормально, везде люди есть, — поражая меня стоическим отношением к жизни, ответила Лена.

— Может, родителям твоим сообщить? Пусть приедут. Им свидание разрешат.

— Родителям? Нет, не стоит, зачем их волновать? Они люди простые, мне все равно ничем помочь не могут. Зачем им вообще знать, что я здесь? Им ведь не сообщат без моего ведома?

— Не сообщат, — подтвердил я.

— Город у нас маленький, — объяснила Лена.

— Тула?

— Тверь, — поправила она. — Сплетни пойдут. Мама расстраиваться будет. Нет, лучше не надо.

«Интересно, — думал я, возвращаясь из Бутырок в юрконсультацию, — она и в самом деле такая или только прикидывается дурочкой?»

Хотя почему дурочкой? Нет, Лена Бирюкова, несомненно, дурочкой не была. Инфантильной, наивной, легкомысленной — может быть. Излишне непосредственной... Экзальтированной. Провинциальная простота. Та простота, что хуже воровства... Хм, вот никогда не думал, почему так говорится? Может, потому, что из-за такой вот простоты попадешь в передрягу похуже, чем за воровство? Что ж, в случае с Леной так оно и было. Если бы она обокрала своего любовника, имела бы сейчас от трех до пяти, получила бы три условно и освободилась в зале суда...

Красавицей она мне не показалась, черты лица излишне простоватые, нос широкий, зато — блондинка с голубыми глазами. И, конечно, крепкая, стройная фигура, над которой Лена явно усердно работала, по несколько часов проводя на тренажерах в этих... в фитнес-клубах.

Каким образом такие вот провинциальные девочки из приличных простых семей становятся содержанками богатеньких пожилых «папиков»? Я подозревал, что со времен Бальзака в этой сфере человеческих отношений мало что изменилось, и все-таки одно дело читать об этом у классиков или в современной желтой прессе, а другое — видеть перед собой обыкновенную девчонку, свою в доску: веселую, заводную, в чем-то простоватую... Ну, об этом я уже говорил...

М-да, а ведь следователь не верит ей ни на грош. Пока из материалов дела трудно судить, врет Лена или говорит правду, а если врет, то в чем и в какой степени... В принципе ничего сверхъестественного нет в самом факте убийства Оsepьяна в постели неизвестным или неизвестными. И если бы Лена в этот момент находилась на другом конце Москвы, а не лежала в постели рядом с покойником, то никаких проблем, скорее всего, для нее эта преждевременная кончина заместителя председателя Спецстроя не составила. Но проблема была в том, что Лена оказалась с покойником в одной постели, и неизвестный киллер (если таковой вообще присутствовал) совершенно неожиданно ее пощадил.

И Лену взяли в оборот как единственную явную подозреваемую.

Может, у следователя на то есть свои причины? Может, он знает что-то такое от оперативников уголовного розыска, о чем пока рано заявлять открыто, но что дает ему право видеть в Лене Бирюковой убийцу? Недаром же УГРО имеет сеть информаторов.

А она утверждает, что убийца — человек в черной униформе и в черной соответственно маске. Какой-то прямо ниндзя. Черепашка. Кто такому поверит?

Я шел по тюремным коридорам и снова прокручивал в голове наш разговор.

— ...Он был один? Сколько раз он выстрелил?

— Не видела я. Не помню. Нет, ну ты сам представь: спокойно спишь ночью, просыпаясь оттого, что в другой комнате стреляют. Причем тихо так, приглушенные выстрелы...

— С глушителем?

Она пожала плечами:

— Наверное. В такой ситуации вообще не соображаешь, кто стреляет, в кого? Я только и видела одну вспышку в темноте и хлопок, будто шампанское открыли. Испугалась, накрылась подушкой. Думала, они и меня пристрелят. А он вошел и бросил что-то мне на одеяло.

— И что?

— Я как дура это самое схватила. А это был пистолет. А потом вместе с пистолетом бросилась в спальню Сурика. Измазалась кровью... Эх... Одна радость, что меня саму не застрелили.

— Почему?

— Юра, ну ты вопросы задаешь! Слава богу, что не пристрелили, я им за это должна спасибо сказать, а не спрашивать.

— Ну и что дальше было?

Я тогда усмехнулся, но Лена не оценила иронии. Она в самом деле была благодарна неизвестному киллеру за то, что оставил ее в живых и тем самым стопроцентно гарантировал ей место на нарах в Бутырках.

А если все это вранье и сплошная фантазия, то из-за чего такая девчонка могла застрелить своего любовника?

Мотивировки я не видел никакой.

Мешал ей уйти к другому? Ревновал ее? Бил, не давал денег? Но самой зачем же стрелять? Ведь не вчера родилась, могла бы за пару сотен баксов найти забулдыгу из деревни. Всего делов-то...

— Ну что дальше? Ворвались родственники, женщины заорали, мужики бросились в милицию звонить. Забрали меня. На пистолете отпечатки мои, кровь Осепьяна, стреляли из этого пистолета... Кто убил? Конечно, я. Да этот Дроздов и не разбирался долго. Дело для него решенное...

На выходе из тюрьмы я столкнулся со Славиним.

По причине тридцатиградусной жары он явился на работу в льняных шортах и сандалиях. Другого адвоката, явись он в таком виде, осмеяли бы за нарушение рабочего этикета, — все-таки мы в Москве, а не в Йоханнесбурге, хотя жара и африканская. Но Славину все как с гуся вода. Его у нас вообще... Подозрительно ценят...

— Привет. Отправляешься на сафари?

— Привет, Гордеев, — томно махнул он загорелой рукой в мою сторону.

Где этот шельмец успел так загореть с головы до ног? Если бы я решился снять брюки и облачиться в шорты, то цвет моих ног, пожалуй, мало чем отличался бы от цвета куриных окорочков. А этот весь бронзовый.

— Ты где так загореть умудрился?

— Надо знать где, — ответил он и, слегка ослабившись, поинтересовался: — А как тебе новая клиентка?

— Ничего.

Я вообще удивился, что он в курсе. Но в ответ на мое нейтральное «ничего» Славин подмигнул.

— Говорят, ничего себе штучка? Цветочек, а? Берегись, Гордеев, — погрозил он.

— В каком смысле?

— В прямом. Слышал, что дело у тебя тухлое, а такие бабенки любят залетать от своих адвокатов. Глядишь, на суде беременной срок скостят, да и на зоне поблажки будут. А ты небось не хочешь, чтобы твой ребенок родился на зоне, а?

Разговор этот, в общем нормальный, даже пустячный, почему-то мне не понравился. Славин известный болван, но, как я уже говорил, постоянно трется возле заведующего юрконсультации и председателя городской коллегии адвокатов, и озадачивали не сами его слова, а то, что сказал их именно Славин. Значит, действительно где-то от кого-то слышал, а раз слышал, значит, где-то кто-то об этом уже болтает, хотя делу — без году неделя, а я занимаюсь им и того меньше.

«Такие клиентки любят залетать от своих адвокатов». Это что, предупреждение или намек, подсказка варианта действий? В адвокатской практике, по слухам, такое происходило не раз, но я лично никогда не встречал адвоката, который признался бы, что помог (не бесплатно, разумеется, но даже и за большие деньги) таким вот образом своей клиентке.

Но Лена и в самом деле была штучкой. Что отрицать?

С недавних пор я обзавелся компактным карманным диктофоном, не больше сигаретной пачки. Использовал его для работы. Лежа в нагрудном кармане пиджака, он отлично писал разговор на расстоянии трех метров. Включался и выключался бесшумно, автореверс позволял не возиться с переворачиванием кассет, в общем, красота. Достаточно было только раз нажать на пуск. Это можно было сделать совершенно незаметно. Чего там адвокат в кармане шарит? Да мало ли чего. Может, носовой платок ищет.

Мне же так было удобно работать, не нужно всякую мелочь в голове держать, записал себе разговор на пленку и прокручиваешь его дома, сидя в одних трусах в любимом кресле перед открытым настежь балконом. Может, по западным меркам это и нарушение этических норм (я не сообщал клиентам, что записываю наши беседы), зато на практике приносило положительные результаты. А если клиент оказывается в выигрыше, то и вообще зачем ему знать, какими методами я этого добиваюсь?

Иногда мне приходила в голову мысль, что когда-нибудь в старости, выйдя на пенсию, я заново прослушаю все эти бесконечные пачки аудиокассет, вспомню старые дела, напишу мемуары — «Записки юного адвоката» или в этом роде. Глупо, конечно. У меня не было времени даже пронумеровать кассеты с записями одного клиента, они валялись без всякой системы в ящиках письменного стола, на кухне в шкафчике, в коробке для спичек... Я все собирался когда-нибудь заняться ими, разложить по отдельным коробкам, надписать и сунуть подальше от посторонних глаз на антресоли, да руки не доходили.

Так вот, запись беседы с Леной Бирюковой запросто можно было отправлять в «Пентхауз» на конкурс писем о сексуальном опыте. И менять ничего не пришлось бы, кроме личных имен.

Из записи беседы с Еленой Б.:

«— Юра, ты смотрел «Твин Пикс»? Угадай, кто моя любимая героиня? Лора Палмерс. Я на нее очень похожа. И по характеру, и внешне. Скажи, похожа?

— Не знаю, наверное.

— Я знаю! Короче, в школе... В школе я училась хорошо, ты даже не поверишь, как легко мне было учиться. Я школу окончила с серебряной медалью. Одна четверка была, по черчению... Ты когда-нибудь задумывался, кто у Лоры Палмерс был первым мужчиной? В фильме об этом почти не говорится, то есть там специально все так снято, чтобы зритель сам мог додумать, кто это был: Бобби, или этот ее чувак на мотоцикле — Джеймс, или толстяк-бармен из «Блэк Джэка». Но на самом деле режиссер пропустил одного персонажа. Я это знаю, потому

что со мной так и было. Потому что я — как Лора, мне иногда кажется, что это моя вторая жизнь, в параллельном мире... В четырнадцать лет я как сумасшедшая влюбилась. Знаешь, я до этого думала, что у меня секс будет только в первую брачную ночь, после свадьбы... Сейчас представить жутко, какой я душой тогда была! А с этим парнем у меня так все быстро завертелось! Уже в первый вечер знакомства мы голыми купались в Волге. Правда, мы не одни были, а с компанией, но все равно. Я жутко стеснялась раздеваться догола, только лифчик сняла. Но еще больше я стеснялась смотреть на него. Целуюсь с парнем, оба голые стоим в воде, он меня обнимает, прижимается ко мне, а я глаза закрываю. Он умел целоваться. Сначала медленно водил языком по моим губам, потом раздвигал их и засовывал язык мне в рот и там начинал водить вокруг моего языка. Я прямо таяла, чуть сознание не теряла. А в это время его руки плавно водили по моей груди вокруг сосков, нежно так, осторожно... Знаешь, не то что другие, которые стараются сразу грязными ручищами залезть тебе между ног, а если и пытаются грудь ласкать, то мнут ее, щиплют за соски... А этот парень так меня целовал, что у меня само по ногам текло, даже не нужно было там трогать. Короче говоря, мы с ним встречались, но до секса у нас не доходило, но однажды мы оказались на турбазе в лесу — там какой-то комсомольский слет устраивался — и первым делом пошли в мой домик, упали на кровать, и все наконец-то свершилось. После этого нас как прорвало, мы могли этим заниматься где угодно и сколько угодно. Я специально трусики под юбку не надевала, чтобы скорее было. Ой, какие безумные времена! Я их даже теперь вспоминаю. Это моя первая и последняя настоящая любовь с парнем моего возраста. Все как в кино. В столовой за нашим столом сидело шесть человек. И вот все болтают, обсуждают, как день прошел, а он незаметно под столом рукой проникнет мне под юбку и пальцем так шаловливо начинает водить вверх-вниз... И при этом мы должны делать вид, будто ничего не происходит, пить кисель, рассуждать о проведении спартакиады по шахматам... Но однажды нас засек на месте местный комсомольский вожак, рыжая скотина. Мы его между собой Шваброй называли. Вместо пароля: «Ты Швабру видел?» — «Видел, в столовой». Мы ржем, а никто ничего не понимает, о чем это мы. Так вот, эта Швабра и раньше ко мне липла, а тут он просто сел на голову. И из комсомола меня попрут, и характеристику он мне испортит, и родителям расскажет, и школу мне закончить спокойно не даст... Короче, пока я просекла, чего ему на самом деле от меня нужно, то много нервов он мне попортил, а когда он внаглую, открытым текстом заявил, какая благодарность с моей стороны ему нужна, я уже созрела...»

Такой вот клиент, точнее, клиентка... Такая вот у нас вышла с ней первая беседа.

Верил ли я сам в то, что Лена невиновна?

Нет, пожалуй, не верил. То есть в том, что она сама стреляла в Осепьяна, я сомневался (несмотря на неопровержимые улики — пистолет и отпечатки на нем), но чтобы она совершенно была к этому убийству непричастна, я не верил. Наверняка был сообщник. Такой барышне и нанимать никого не нужно, достаточно охмурить парнишку попроще, наплести про свою несчастную долю, чтобы он тут же бросился на защиту дамы сердца. Может, следовательно ждет, что она посидит-посидит, да начнет колотиться? Наверняка у него что-то подобное на уме. Но с другой стороны, если бы она была причастна, то не поступила бы так топорно, не допустила бы, чтобы ее посадили в тюрьму, да еще с такими уликами.

Теперь я даже сомневался в том, что Лена — эдакая наивная девчонка, простая, как две копейки, с открытой душой. Не была ли вся эта ее чрезмерная искренность (с какой стати ей вообще откровенничать со своим адвокатом на такие темы?) лишь игрой, тщательно продуманной дымовой завесой? Мол, я такая простая, глупая баба, язык за зубами удержать не могу, как же я смогла бы задумать и спланировать убийство?

Черт ее знает! Но постепенно, с ужасом я понимал, что ни Генрих Афанасьевич Розанов и никто другой не заставят меня лишь формально осуществлять защиту. Нет. Я буду ее

защищать по полной программе. И если она действительно невиновна (выяснить это мне еще предстоит), то я добьюсь от суда прекращения уголовного преследования моей подзащитной. Во мне просыпался какой-то азарт.

Я подумал о номере телефона, который моя подзащитная (весьма настырно, кстати сказать) всучила мне ни с того ни с сего. А что, если она хотела мне что-то этим сказать, но боялась говорить прямо? Может, она намекала, что я должен разыскать эту Аллу? Возможно, она что-то знает или может мне что-то сказать?

Теперь я уже ни в чем не был уверен.

Остановившись на красный свет на перекрестке, я раздумывал, что теперь делать, куда ехать? Свет сменился на зеленый, и я решительно повернул руль. И поехал по указанному адресу.

Алла и в самом деле оказалась зубным врачом, и у нее действительно был собственный уютный кабинет в шикарной стоматологической поликлинике. На его двери была прикреплена синяя табличка с фамилией. «Просто Аллу» звали Алла Эдуардовна Силамикель. Странная фамилия... Испанка, что ли?

На вид ей было слегка за тридцать — ухоженная брюнетка со стройными ногами, в коротком медицинском халате, сильно затянутом на осиной талии. Она приняла меня, как и обещала Лена, без записи. Мы договорились по телефону, и через полчаса я уже сидел в удобном стоматологическом кресле с мягкой спинкой. Она щелкнула выключателями, отрегулировала высоту кресла, направила прямо на меня лампу. Я рефлекторно вцепился в подлокотники.

— Не бойтесь, я скажу, когда будет больно, — предупредила Алла, чувствуя мою напряженность и волнение.

Она натянула резиновые перчатки и взяла какой-то блестящий инструмент. В маске и пластиковых очках она была похожа на хирурга, но от нее пахло не больницей, а дорогим парфюмом.

Окна ее кабинета выходили в тенистый двор. На удобной полке у бормашины, успокаивая нервы, стояли цветы в голубой вазочке. Цивилизация!..

— Сейчас я посмотрю, что с вашим зубом. Давно болит?

Несколько минут мы проговорили исключительно о стоматологии. Затем она отправила меня в соседний кабинет на рентген. Когда я вернулся, она сидела за столом, закинув ногу на ногу, покачивала полуснятой лакированной туфлей и писала.

— Уже сделали снимок?

Аккуратно держа квадратик пленки за острые края, она посмотрела снимок и вынесла приговор — удалять.

— А никак нельзя его подлечить? — робко спросил я. — Лишь бы не болел.

Алла загадочно улыбнулась и отрицательно покачала головой.

Через несколько минут все было кончено, и я, взмокший от волнения, прижимая ватный ком к десне, переводил дух.

— Я выпишу вам антибиотики и обезболивающее. Вот на всякий случай мой домашний номер телефона, если возникнут проблемы, звоните в любое время.

Я промычал «спасибо», не раскрывая рта, сунул рецепты и ее визитку во внутренний карман.

— С чеком зайдите в кассу. Первый кабинет от фойе. Прямо по коридору налево.

Алла что-то черкнула мелким неразборчивым почерком на квитанции. Стоя у нее за спиной, я пытался разглядеть, с какой суммой мне придется распрощаться.

Если не хватит денег, оставлю в залог паспорт, пронеслось в голове. Честное слово, меньше всего на свете мне хотелось выкладывать за этот несчастный зуб все деньги, с таким трудом выцыганенные у Генриха Афанасьевича.

Кровотечение прекратилось быстро. Я выплюнул ватный тампон, подвигал челюстями.

— Лена — ваша знакомая? — услышал я вдруг вопрос, обращенный явно ко мне.

— В некотором смысле да. Она моя клиентка.

Рука, протягивавшая мне квитанцию, застыла в воздухе. Алла смотрела на меня с оттенком удивления.

— Ваша клиентка?

— Я адвокат.

— О! У нее неприятности?

— Можно и так сказать. Она содержится в Бутырском следственном изоляторе.

На лице Аллы не дрогнул ни один мускул.

— Вы не удивлены?

— А чему удивляться в наше-то время? — философски изрекла она, пожимая плечами.

— Я думал, вы знаете об этом. Вы ведь подруги.

— Это она вам так сказала? Нет, Лена была моей пациенткой. Я давно ее не видела.

— Вас даже не интересует, что именно с ней случилось?

— Я догадываюсь. Ну ладно, что же с ней случилось?.. Вы ведь все равно не имеете права рассказывать посторонним, не так ли?

— Но ведь вы не совсем посторонняя? Лену обвиняют в убийстве своего любовника.

Алла промолчала, но ее лицо исказила легкая гримаса удивления и сочувствия.

— Я давно Лену не видела, — повторила она.

Протянула мне квитанцию, захлопнула журнал и вышла из кабинета в смежную комнату, плотно закрыв за собой стеклянную матовую дверь.

Когда шторы на окне стали наливать светло-зеленым цветом, я понял, что ночь кончилась, на улице совершенно светло и что я уже не усну. Зуб, вернее, место, где еще недавно был зуб, казалось мне подобием огнедышащего вулкана. Хоть ту немецкую чету приглашай... Боль была просто адской.

Часы на телефонном аппарате показывали без четверти пять утра. Звонить кому-то в такое время — нажать врагов.

Я вышел на кухню, поставил чайник, растворил кофе, допил последнюю таблетку обезболивающего. Дождался, когда на часах будет пять, и все таки позвонил.

— Простите, Алла, что я вас разбудил...

— Ничего, я еще не ложилась. Болит зуб?

— Просто голова раскалывается. Не мог уснуть. Что мне сделать?

— Где вы сейчас?

— Дома.

— Далеко от Никитской? Приезжайте прямо сейчас, я вас приму.

— Да? — Я ушам своим не поверил. — Сейчас оденусь и выезжаю.

— Договорились.

Охранник молча пропустил меня внутрь поликлиники, как только я сказал, что договорился с доктором Силамикель.

Алла уже ждала в кабинете. В ответ на мои извинения коротко ответила:

— Бросьте извиняться, я сама хотела вам позвонить.

Если бы я мог четко соображать в такое время и в таком состоянии, то, наверное, все же поинтересовался: зачем она собиралась мне позвонить? Но тогда я пропустил это замечание мимо сознания.

Алла включила подсветку над стоматологическим креслом и кивнула мне:

— Садитесь.

И снова я сидел, разинув рот, напрягшись всем телом и испытывая неприятное чувство оттого, что под моими ладонями ручки кресла становятся липкими от пота.

Алла быстро провела какие-то манипуляции, промыла рану, заставила меня сплюнуть, набрала в тонкий одноразовый шприц немного прозрачной жидкости, сказала:

— Вдохните и задержите дыхание.

Игла безболезненно вонзилась в десну.

— Выдохните... Сейчас боль прекратится. У каждого свой собственный болевой барьер. У мужчин он, как правило, ниже, чем у женщин... Знаете, я думала о Лене, о том, что вы мне сказали вчера днем. Наверное, я показалась вам бессердечной? Но меня так шокировала новость, что Леночка в тюрьме, я просто не могла ничего сообразить. Все эти обвинения так серьезны?

— Очень. Если вы знаете что-то, что может ей помочь, то расскажите мне.

Эта фраза стоила мне героических усилий. Мысленно я взмолился, чтобы она ничего мне не рассказывала. Слушать я все равно был не в состоянии.

Словно прочитав мои мысли, Алла покачала головой:

— Да я, собственно, ничего не знала о ее жизни. Мы с ней познакомились довольно давно и не встречались уже года полтора-два... Как ваш зуб? Боль прошла?

Я прислушался и с удивлением понял, что боль действительно незаметно прошла и я этого даже не заметил.

Алла удовлетворенно кивнула.

— Касса сейчас закрыта. Заплатите потом, при случае. Я сохраню вашу квитанцию.

— Спасибо.

— Вы торопитесь? Завтракать вам сейчас нельзя. Предлагаю выпить кофе у меня. Заодно и поговорим. Моя квартира в этом же доме. Удобно, не правда ли?

Я подумал, что смогу тогда прямо от нее поехать на работу. Домой возвращаться через полгорода было бессмысленно.

— Хорошо, — промычал я.

Мы вышли из поликлиники, обогнули здание и вышли на улицу.

Металлические двери подъездов с кодовыми замками уродовали довольно обшарпанный фасад старинного трехэтажного дома. Алла набрала код, повернула ключ и отступила на шаг, пропуская меня вперед.

Подъезд, несмотря на бронированную защиту, оказался расписан примерно так же, как и все наши московские подъезды. Были тут и «кони», и «мясо», и «Черная вонь, из России вон!».

— Идемте пешком, лифт не работает. Третий этаж.

Пока мы поднимались, я с удовольствием рассматривал литые чугунные узоры поручней на лестнице. Если присмотреться, то и разноцветная плитка под ногами, оказывается, складывалась в определенный узор. Красивый когда-то был дом. Профессорский.

На площадке третьего этажа было всего две двери. Алла достала из сумочки ключи и отперла железную дверь, обтянутую дерматином.

— Проходите, куда хотите. Можно посидеть в гостиной, можно на кухне. Где вам больше нравится?

Я заглянул из прихожей в гостиную. Просторная комната неправильной формы, в три окна. Окна выходят в тот же тенистый двор, что и окна кабинета в поликлинике. Кроме ковра на полу, дивана и пары модных ярких кресел в форме подушек, в комнате не было мебели. На низком стеклянном столе перед диваном стояла неприбранная посуда, пара бокалов.

— У вас были гости? — Мне почему-то показалось, что гость был только один, мужчина. — Надеюсь, я вам не помешал?

— Ерунда, — хриплым голосом ответила Алла. — Я отлучусь на кухню, поставлю кофе.

Пока хозяйка занималась своими делами, я прохаживался по полупустой гостиной. Наверняка для дизайнера по интерьеру обстановка этой комнаты показалась бы весьма стильной, но для меня, простого обывателя, требующего от своего жилища хотя бы минимального уюта, обстановка докторской гостиной казалась холодной и сирой, как продолжение стоматологического кабинета. Единственными яркими пятнами на белом фоне служили разноцветные подушки кресел и дивана и в тон им — шторы на окнах и над дверью, ведущей, вероятно, в смежную комнату. Эта задрапированная, по обычаям купеческих гостиных, белая дверь меня заинтриговала. Куда она ведет? И зачем ее так тщательно камуфлировать?

Не удержавшись, я нажал ручку и хотел приоткрыть дверь, но она неожиданно оказалась запертой на ключ. Пройдя по длинному белому коридору, украшенному всего одной, зато красивой и, наверное, безумно дорогой напольной лампой, я очутился в кухне, немного тесноватой из-за массивного гарнитура со множеством шкафов и шкафчиков.

— Присаживайтесь, — кивнула Алла. — Хотите что-нибудь к кофе? Каплю ликера, коньяк?

— Нет, еще слишком рано.

— А для меня сейчас поздний вечер, — сказала она, позванивая кубиками льда в своем бокале, где явно была не минералка.

— Вы одна живете?

— Да.

Я немного удивился. Часто вы запираете двери комнат на ключ, если живете в одиночестве? Я такого еще ни у кого не видел. Невольно вспомнилась страшная комната Синей Бороды. Что она там прячет? Тела убитых мужей?

Отвернувшись от меня, глядя в окно, Алла стала рассказывать:

— Лена была не просто моей пациенткой. Некоторое время мы с ней дружили. Она тогда только приехала в Москву из своего городка и была неотесанной, очень провинциальной девочкой, но с большими амбициями. Нас познакомили... Не помню, кажется, у кого-то на даче. Да, именно на даче. Была вечеринка, очень много молодежи... Мальчики, девочки... Все очень юные, студенческая компания. Лена приехала на машине. Хозяйка дачи, тоже очень юная особа, пошла ее встречать к воротам, и мы услышали их разговор... За рулем машины сидел мужчина с бородкой, немолодой, лет около пятидесяти, и вот мы слышим, как хозяйка дачи восклицает с плохо сдерживаемым негодованием: «Зачем ты приехала с папой?!» Я не помню дословно, этот вопрос она задала или другой, но смысл тот же. Я запомнила ответ Лены, очень гордый, даже вызывающий: «Это мой любовник». Так она и сказала. Можно сказать, что все ее однокашники уронили челюсти... Потом часто видела ее с разными людьми, по большей части богатыми.

— То есть, — перебил ее я, — она превратилась в проститутку?

Алла как-то очень загадочно и многозначительно улыбнулась, повела плечом и вдруг, подняв длинные ресницы, посмотрела на меня. Ее взгляд был прямым, откровенным, я бы даже сказал, дерзким.

— Нет, конечно. Это совсем по-другому называется. Лена слишком умна и образованна, чтобы назвать ее банальной проституткой. Мужчина с такой получает намного больше, чем сексуальное удовлетворение.

— Что вы имеете в виду?

— «Таис Афинскую» читали?

— Когда-то в детстве...

— Лена как раз такая. Это не каждой доступно. Это высокая проба. Гетера. Гейша. Ею нельзя стать, ею надо родиться. Понимаете?

Глаза Аллы как-то странно поблескивали, пока она говорила. Я чувствовал, что это не просто слова...

Минут через двадцать я стал клевать носом. Даже кофе не помог. Алла заметила, что я ее почти не слушаю, перебила сама себя:

— Можете прилечь отдохнуть, если хотите.

Я забормотал, что, мол, неудобно ее стеснять, лучше я пойду, на улице взбодрюсь.

— Куда же вы в таком виде? Вам и за руль садиться сейчас опасно. Идемте, я вас устрою в комнате, вы там спокойно часок поспите.

«Не в той ли самой комнате, что заперта на ключ?» — мелькнула у меня мысль.

Нет, оказалось, не в той. Алла отвела меня в небольшую комнату, дверь которой выходила в коридор напротив кухни. Она служила чем-то вроде кабинета: у окна письменный стол, по стенам — книжные шкафы. Окно было зашторено, уютная прохладная полутьма убаюкивала.

— Нет, я в самом деле вам не помешаю?

— В самом деле. Ложитесь и отдыхайте. Когда вас разбудить?

Я посмотрел на часы:

— Неплохо бы часика через полтора.

— Отлично, я вас разбужу. Пока!

Она закрыла дверь. Я бросил пиджак на спинку стула, стащил с себя брюки, рубашку... Испытывая неземное блаженство, растянулся на широкой тахте, стоящей в простенке между двумя книжными шкафами, укрылся пледом, пристроил под голову вышитую букетами диванную подушку, закрыл глаза и моментально уснул...

5

— Иди, иди, не оглядывайся! — строго сказал контролер, ведущий Лену по гулким коридорам Бутырской тюрьмы.

«Как же не оглядываться?» — думала про себя Лена, глядя под ноги, где с монотонностью маятника чередовались железные решетчатые ступени лестниц и выложенные старинным пожелтевшим кафелем пролеты этажей. Прежде подобные мрачные места ей приходилось видеть лишь по телевизору, в передачах на криминальные темы. Стены, выкрашенные некогда масляной краской в тухлый болотный цвет, давным-давно потрескались, и между осыпавшимися кусками краски и штукатурки то тут, то там вылезала сизая плесень.

«Сырость и духота — первые мерзости, с которыми сталкивается новичок — заключенный», — машинально всплыла у Лены в памяти почерпнутая некогда в какой-то книжке информация. В стенах зияют грубо крашенные провалы железных дверей. Все этажи просматриваются охранниками с любого лестничного пролета. В полу дыры, то есть не дыры, а пол попросту отсутствует, а от стены к стене перекинута пролеты. «Словно мосты в Венеции», — ни к селу ни к городу подумалось Лене. А еще между этажами натянута крупная сетка-рабица, так что если даже захочет какой-нибудь зек броситься вниз и избавиться от всех проблем одним махом, то все равно ничего не получится...

— Стоять! — произнес контролер. — К стене.

Примерно полминуты Лена созерцала крашеную стену, пока контролер гремел ключами, открывая дверь в камеру.

— Заходи!

И она зашла.

Дверь захлопнулась за спиной у Лены. Она вновь услышала скрежет ключей, проворачиваемых в замке, и одновременно почувствовала мощную, как удар по носу, удушающую волну вони, горячих испарений разомлевших от жары человеческих тел. Она была настолько сильной, что чуть не сшибла Лену с ног.

Лена машинально сделала шаг назад. Но за ней была только железная дверь.

Несколько десятков глаз уставились на Лену с любопытством.

— Здравствуйте! — машинально произнесла Лена, борясь с захлебывающимся дыханием. Густой, как разведенный алебастр, запах камеры заполнил ее дыхательные пути.казалось, еще немного, и она просто-напросто задохнется...

На ее «здравствуйте» не ответил никто.

Большинство обитателей камеры сразу же потеряли к ней интерес и вернулись к своим занятиям. Лена огляделась и попыталась сориентироваться в новом месте. «Это, пожалуй, будет нелегко», — был первый вывод, что пришел ей в голову. Людей здесь было чересчур много для такого скромного места. Двухъярусные нары чуть ли не прогибались от обилия восседавших и возлежавших на них женщин всех возрастов и комплекций. Под потолком были протянуты веревки, на которых сушилось неприглядного вида застиранное белье, тряпки, полотенца и прочие атрибуты женского быта. Примерно в таком духе в кино принято изображать беднейшие кварталы в каком-нибудь приморском итальянском городишке. Недаром Лене уже приходило на ум сравнение с Венецией. Несмотря на все разнообразие женских лиц, в их внешнем виде было нечто общее, какая-то отечность, что ли, Лена не успела сообразить. Вообще соображать что-либо в этом удушливом мареве не очень-то получалось. Кружилась голова, хотелось скорее сесть, забиться в угол, закрыть глаза, никого и ничего не видеть.

— Эй, худосочная, чего стоишь-качаешься, падай куда-нибудь, а то так и останешься висеть, где поставили! — дружелюбно заявила сидящая поблизости полноватая молодуха в грязной полосатой футболке, и пара ее соседок ехидно хохотнули. Лена оглядела нары, кроме

позвавшей ее девушки здесь сидели еще двое, на вид примерно одного возраста, лет двадцати пяти. Они чуть подвинулись, и она села на освободившийся краешек. Сверху свешивались нечистые ноги и любопытные физиономии тех, кто обитал на втором ярусе.

— Слушай, Марго! Нам тут самим уже места нет, а ты еще всяких приваживаешь, — немедленно возмутилась тощая, остроносая соседка.

— Да ты, Зойка, не волнуйся так. Не видишь, что ли, девушка стройная, худенькая, много места не займет. А тебя скоро переведут куда следует. Вот место и освободится. Тогда нам тесно и не будет. Тебе, Зоя, постоять лишний раз не вредно будет, а то лежишь целыми днями, скоро пролежни на боках появятся. — Та, которую соседки называли Марго, явно решила показать, кто здесь хозяин, и, раз так, она своих решений не меняет. — Я по лицу вижу, она человек хороший. Пусть подсаживается, будет о чем поговорить.

— Спасибо за гостеприимство, — вежливо сказала Лена.

— Ладно, приземляйся, все мы тут гости, — сказала Марго.

— Ага, в гостях у сказки, — продолжила та же соседка — тощая Зойка, остроносая пигалица с волосами странного серовато-бурого цвета. Остальные опять ухмыльнулись, но уже довольно вяло.

— Любишь ты понудить, — беззлобно укоряла ее Марго, — от твоего занудства тоска берет. Ну попал человек в камеру, жизнь на этом не заканчивается, здесь тоже жить можно, если с умом да с осторожностью. А кто считает, что его несправедливо обидели, так ее, справедливости, нигде нету, ни здесь, ни на воле.

Марго печально вздохнула.

— Ну ты, Марго, у нас всегда права, не знаю только, как такая умная сюда попала, — забурчала Зойка и, заерзав, отодвинулась вглубь.

— Одного ума тоже мало, — продолжала рассуждать Марго, — еще удача должна быть. Я вот смотрю, новенькая тоже на дуру вроде не похожа, такие и в школе в отличниках ходят, и в институтах потом учатся, а вот, глядишь, тоже здесь как-то оказалась. Хотя высшее образование само по себе тоже еще не признак ума, — поразмыслив, заключила она.

— Сейчас это образование никому на фиг не нужно, у нас полрынка продавцов с этим образованием было, даже кандидаты всяких наук и доценты попадались, — подхватила круглолицая татарка с растрепанными рыжими волосами, вся усеянная веснушками, — да вот что-то на хлеб себе не могли заработать ничем, кроме как торговлей...

— Ну, это ты зря... — возразила Марго.

Лена слушала все эти разговоры вполуха. Ее пока что мало волновало происходящее. Не то чтобы она растерялась или испугалась, просто ей казалось, что все это происходит не с ней или не на самом деле. Ее память все еще прокручивала в голове ужасные события минувшей ночи, и она старалась припомнить хоть какие-то детали, способные прояснить происшедшее. Но, как назло, ничего подозрительного так и не удавалось вспомнить. Убийца пробрался к спящему совершенно бесшумно. Вообще-то, обычно сон у Лены достаточно чуткий, и, если бы в соседней комнате появился кто-то посторонний, она бы наверняка проснулась. Ее женское чутье всегда было заодно с ее ангелом-хранителем. Но вчера за ужином они с Суриком выпили по паре бокалов красного португальского вина, и сон ее был крепче обычного. Сурик вообще любил пропустить стаканчик-другой, как он говорил, «доброго винца» перед обедом. Он объяснял это невероятной пользой перебродившего виноградного сока для здоровья вообще и для сердечно-сосудистой системы в частности. Не говоря уже просто о хорошем настроении. Сурен часто повторял, что уважающему себя мужчине в его возрасте нужно особенно следить за своей физической формой. Аргументами служили и восточные традиции кавказских долгожителей, и рекомендации французских ученых-диетологов, которые он черпал из разных книжек. Вообще, у него был просто пунктик на этом. Иногда Лене казалось, что и их отношения он в большой степени относит к разряду поддержания физической формы. Скорее всего, так оно

и было... В домашнем баре Сурика всегда хранилось не менее десятка бутылок первоклассных европейских и крымских вин. Некоторые из них были подарены благодарными подчиненными, некоторые привезены друзьями из заграничных поездок, кое-что Сурен покупал сам. Практически каждый, кто имел деловые или служебные отношения с Суриком, прознав о его страсти к тонким винам, норовил задобрить его от себя лично бутылочкой изысканного вина. Лене понравились многие вина из тех, что ей пришлось попробовать за время их знакомства, но в душе она все же отдавала предпочтение более крепким напиткам. Куда как лучше опрокинуть стопарик-другой хорошей водки или, если уж тянет к чему-то необычному, текилы или виски. Как человек, уверенный в своих желаниях, она предпочитала быстрый результат. Ей проще было выпить пару рюмок хорошего коньяку, чтобы сразу почувствовать себя хмельной и раскованной. Сурен же, в силу возраста и восточной любви к церемониям, все время норовил растянуть удовольствие, посмаковать, цокая языком, стараясь уловить все нюансы изысканного винного букета. Нельзя сказать, чтобы Лена была совсем равнодушна к совместным дегустациям, но положив руку на сердце она далеко не всегда обнаруживала все те вкусовые градации, которыми так восхищался Сурен. Вообще, она подозревала, что и он ничего особенного в винах не обнаруживает, а хобби это у него так, для публики больше. Но чтобы не обижать старичка (как ласково она иногда про себя его называла), Лена азартно ему подыгрывала. Она частенько придумывала свои вкусовые и обонятельные ощущения и красочно ему их расписывала. Сурик радовался, как ребенок, и однажды пообещал устроить «своей девочке, с таким утонченным вкусом» ванную из шампанского. «Будешь у меня как Клеопатра», — с акцентом выкрикивал ее хмельной любовник, выплескивая ей на грудь капли дорогого вина и тут же целовывая их губами. Лена тогда очень смеялась и убеждала Сурика, что во времена Клеопатры никакого шампанского еще в помине не было. Сейчас, вспоминая все это, она подумала, что, может быть, все, что случилось сегодня ночью, это только сон, и она еще спит, и нужно просто проснуться — и она снова окажется дома в своей комнате или рядом с мирно посапывающим Суриком, живым и невредимым...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.